

ISSN 2619-0648

Научный журнал

Ex jure



2024

2

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя
и издателя:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
юридический факультет

Тел. (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал
осуществляется онлайн
на сайте «Урал-пресс»
[https://www.ural-press.ru/
catalog/97266/8650364/?
sphrase_id=396140](https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphrase_id=396140).

Подписной индекс 83987

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Гонгало Бронислав Мечиславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой семейного и жилищного права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Ершова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, зам. декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., доцент, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., доцент, начальник отдела Научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Каплунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Пастухов Павел Сысоевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российской государственной университета правосудия, г. Москва.

Федорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, Советник Конституционного суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068

Address of the Editorial
Staff and Editorial Office:

Faculty of Law,
15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068
Phone, +7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
[Http://ex-jure.psu.ru](http://ex-jure.psu.ru)

EDITORIAL BOARD

Golubtsov Valeriy Gennadyevich (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm;

Gabov Andrey Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Moscow;

Golovina Svetlana Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Gongalo Bronislav Mechislavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Vavilin Yevgeniy Valeryevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector of Scientific Affairs, Head of the Department of Family and Housing Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Yershova Inna Valentinovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Zaitsev Vladimir Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zapolskyi Sergey Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Branch of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zuev Sergei Vasilevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Law Enforcement and National Security, The South Ural State University, Chelyabinsk;

Kochev Vladimir Aleksandrovich – Professor, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative and Constitutional Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Tarkhanov Ildar Abdulhakovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Research Supervisor of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Tolstik Vladimir Alekseevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Aristov Evgeny Vyacheslavovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University, Perm;

Bezrukov Sergey Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Division Research Center for the Study of Investigation of Crimes Issues Federal Public Establishment, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow;

Valeev Damir Khamitovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm; Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Vasileva Yuliya Valerevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm;

Kaplunov Andrei Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Scientific School «Administrative and Administrative-Procedural Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg;

Komissarova Elena Genrikhovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti;

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive law, Saratov State Law Academy, Saratov;

Matveev Anton Gennadievich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Neznamova Zinaida Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University, Perm;

Polyakov Sergei Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Romanovskiy Georgiy Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University, Penza;

Stahov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Russian State University of Justice, Moscow;

Fedorova Marina Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Ефимовских В. Л.</i>	
Символизм и уголовное право XVI–XVII веков в Московском	
государстве	10
<i>Казаков А. О.</i>	
Взыскание убытков за нарушения, допущенные судебным приставом-	
исполнителем на стадии исполнительного производства	22
<i>Круглов Д. Н.</i>	
Вклад профессора В. П. Реутова в развитие учения о структуре права	
и современность	37
<i>Куракина С. И., Логинова Т. Е.</i>	
О правовой культуре и правовом воспитании через призму научного	
наследия профессора А. С. Бондарева	48
<i>Матвеев А. Г.</i>	
Размывание понятия «юридическая конструкция» в российской теории	
права	63
<i>Мхитарян Л. Ю.</i>	
Общая характеристика вотчинной юстиции в российской судебной	
системе	78
<i>Самылов И. В.</i>	
Теоретические вопросы деликтоспособности систем искусственного	
интеллекта	89
<i>Трапезникова Е. В.</i>	
Применение частноправовых конструкций в публичных	
правоотношениях	100
<i>Худолей К. М.</i>	
Возвращение лишения гражданства?	113
Правила направления и опубликования научных статей	
в EX JURE	126

CONTENTS

From the Editors	7
THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES	
<i>Efimovskikh V. L.</i>	
Symbolism and Criminal Law of the XVI–XVII Centuries in the Moscow State	10
<i>Kazakov A. O.</i>	
Recovery of Damages for Violations Committed by the Bailiff at the Stage of Enforcement Proceedings	22
<i>Kruglov D. N.</i>	
The Contribution of Professor V. P. Reutov to the Development of the Teaching about the Structure of Law and Modern Science	37
<i>Kurakina S. I., Loginova T. E.</i>	
About Legal Culture and Legal Education Through the Prism of the Scientific Heritage of Professor A. S. Bondarev	48
<i>Matveev A. G.</i>	
Erosion of the Concept of “Legal Construction” in the Russian Legal Theory	63
<i>Mkhitarian L. Yu.</i>	
General Characteristics of Patient Justice in the Russian Judicial System	78
<i>Samylov I. V.</i>	
Theoretical Questions of Tort Capacity of Artificial Intelligence Systems	89
<i>Trapeznikova E. V.</i>	
Application of Private Law Constructions in Public Legal Relations	100
<i>Khudoley K. M.</i>	
Return of Denaturalization of Citizenship?	113
<i>Rules of Submission and Publication Scientific Articles in EX JURE</i>	126

Уважаемые коллеги, дорогие читатели!
Вашему вниманию представлен номер журнала *Ex jure*,
посвященный 75-летию кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета ПГНИУ

Двадцать первого марта 1949 года ректором Молотовского государственного университета был подписан приказ о создании на юридическом факультете кафедры теории и истории государства и права.

Уточним: скорее, не о создании, а о воссоздании под современным наименованием в рамках воссозданного же юридического факультета. Если Пермский госуниверситет был учрежден в 1916 году как Пермское отделение Императорского Петроградского университета в составе юридического, историко-филологического и физико-математического факультетов, то наша кафедра изначально присутствовала в первом на Урале высшем учебном заведении как кафедра энциклопедии права и истории философии права. Осенью 1917 года первые студенты-юристы встретились с преподавателями. Среди них был ординарный профессор А. С. Ященко, автор труда «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства», один самых заметных представителей российской юридической науки ее «золотого века».

С 1919 года юристы, историки и филологи в Пермском (с 1940-го по 1957-й Молотовском) университете получали образование в составе ФОНа – факультета общественных наук, единого советского «футляра» для разных «неестественных» наук, изучающих идеологическую надстройку общества. И только через три десятилетия юрфак снова стал юрфаком, кафедра теории и истории государства и права – его самостоятельным подразделением, а историк из Саратова В. В. Пугачев – ее заведующим.

Владимир Владимирович Пугачев (1923–1998) был специалистом по истории и общественной мысли России XIX века и характеризовался как «молодой, способный работник». Он читал курсы истории государства и права СССР, истории гражданского права в России, вел научный кружок по теории права, завершил работу над кандидатской диссертацией и стал доцентом.

После отъезда Пугачева в Саратов в 1953 году заведующим кафедрой был назначен Андрей Васильевич Рыбин (1923–1994). В 1948 году он окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, в 1951-м стал кандидатом юридических наук. В 1970 году А. В. Рыбина избрали деканом юридического факультета, и он оставался в этой должности до 1983-го.

За время работы на кафедре теории и истории государства и права Пермского университета А. В. Рыбин опубликовал значительное количество научных работ о функциях государства и тенденциях его развития, об общественном самоуправлении.

В разное время на кафедре прокладывали свои особые пути в науке видные отечественные ученые-юристы: криминолог Иосиф Соломонович Ной, специалист по праву международных договоров Анатолий Николаевич Талалаев, теоретик права Владимир Ильич Леушин, административист Демьян Николаевич Бахрах, международник, с 1991 по 2003 год судья Конституционного Суда РФ Олег Иванович Тиунов, конституционалист Владимир Александрович Кочев, философ права Александр Федорович Закомлисов.

Среди преподавателей, долго и плодотворно работавших со студентами, для кого кафедра стала местом синтеза новых оригинальных идей в области фундаментальной юриспруденции, самыми выдающимися, безусловно, являются профессора Александр Александрович Ушаков (1924–1992), Александр Семенович Бондарев (1931–2017) и Валерий Павлович Реутов (1939–2017).

А. А. Ушаков заведовал кафедрой с 1970 по 1986 год. Он основал науку правовой лингвистики, занимался проблемами нормографии – технологии составления и систематизации текстов законов, разрабатывал концепцию юридической техники как особой теоретической прикладной дисциплины. Одним из первых среди преподавателей юридического факультета ПГУ получил ученую степень доктора юридических наук.

А. С. Бондарев обосновал теорию правовой культуры личности и общества, систематически ее изложил и наметил перспективы ее применения. Изучал формы, методы, средства, теорию и практику правового воспитания, разработал собственные концепции позитивной юридической ответственности и видов правоотношений. С 1986 по 1992 год был заведующим.

Четверть века (1992–2017) кафедру возглавлял В. П. Реутов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. Круг научных интересов профессора В. П. Реутова был весьма широк. Он системно исследовал юридическую практику, проблему правопонимания и соотношения подходов к понятию права, факторы правотворчества. Однако важнейшее место в его научном наследии занимают работы по изучению функций права, системы права и системы законодательства. В 2004 году В. П. Реутов защитил докторскую диссертацию «Структурирование правовой системы как выражение ее функциональных возможностей». Под его руко-

водством кандидатские диссертации защитили И. В. Самылов, В. В. Степанов, А. Г. Матвеев, Д. В. Носов, А. И. Грайсберг, Л. Ю. Мхитарян. В. П. Реутов стал первым заслуженным профессором Пермского университета на юридическом факультете.

Подробнее об истории кафедры можно прочитать в книге «Научное наследие преподавателей теории государства и права Пермского университета»¹.

С 2017 года кафедру возглавляет кандидат философских наук, доцент Дмитрий Николаевич Круглов.

В настоящее время на кафедре теорию государства и права преподают доценты И. В. Самылов, Д. Н. Круглов, старшие преподаватели А. Г. Березин и Е. В. Трапезникова; историю государства и права – доценты Т. Е. Логинова и В. Л. Ефимовских, старший преподаватель Е. В. Трапезникова. Преподаванием иных дисциплин занимаются профессор А. Г. Матвеев, доценты А. В. Захаркина, С. И. Куракина, Л. Ю. Мхитарян, К. М. Худолей, А. О. Казаков и старший преподаватель М. Г. Лысачкова.

¹ Научное наследие преподавателей теории государства и права Пермского университета: сб. науч. ст. / под общ. ред. С. Б. Полякова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.15

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-10-21

Символизм и уголовное право XVI–XVII веков в Московском государстве

В. Л. Ефимовских

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: efim-anv@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается процесс развития символизма в уголовном праве Московского государства XVI–XVII веков. В своем развитии он прошел два этапа. На начальном этапе, от Ивана IV до конца Смуты, символизм носил надправовой характер. Первое наиболее массовое применение надправового символизма пришлось на период опричнины, когда Иван IV отказался от традиционных догматов православия, согласно которым монарх имел право мучить тело, но не душу и был обязан заботиться о законности перехода в загробный мир. Массовые казни с использованием утопления, растерзания животными и повешения без соблюдения похоронных обрядов стали для царя возможностью не только устрашить собственных врагов, но и подвергнуть «мытарствам» души казненных. Смута добавила к уже апробированным способам устрашения и наказания душ черезсмертную казнь новый вид символики – членовредительные наказания. Второй этап развития

© Ефимовских В. Л., 2024



символизма начинается после завершения Смутного времени. Стремление к утверждению принципов справедливости уголовного законодательства безотносительно к сословиям привело к заботе государства об обеспечении христианского перехода в загробный мир для казненных и приданию символизму правовых форм.

Ключевые слова: символизм; смертная казнь; деформация принципов уголовного права; Смута; Соборное уложение; религиозные основы

Symbolism and Criminal Law of the XVI–XVII Centuries in the Moscow State

V. L. Efimovskikh

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: efim-anv@yandex.ru

Abstract: the article considers the process of symbolism development in the criminal law of the Moscow state of XVI–XVII centuries. In its development it passes two stages. At the first stage, covering the time from Ivan IV to the end of the Time of Troubles, symbolism had supra-legal character. The first most widespread use of supra-legal symbolism was during the Oprichnina. During this period, Ivan IV abandoned the traditional dogmas of orthodoxy, according to which the monarch had the right to torture the body, but not the soul. Moreover, he was obliged to take care of the legality of the transition to the afterlife. Mass executions with the use of drowning, mauling by animals and hanging without observing funeral rites became an opportunity for the tsar not only to intimidate his enemies, but also to subject the souls of the executed to “ordeal”. The Time of Troubles added to the already proven methods of intimidation and punishment of souls through the death penalty a new kind of symbolism – self-harming punishments. The second stage of the development of symbolism begins after the end of the Time of Troubles. The search for various forms that affirmed the principles of justice of criminal law without regard to estates led to the state's concern about ensuring a Christian transition to the afterlife for the executed and giving legal forms to symbolism.

Keywords: symbolism; death penalty; deformation of the principles of criminal law; Time of Troubles; Conciliar code; religious bases

Символизм, как отмечал Н. Н. Вопленко, есть выражение обобщенного смысла, абстрактного содержания через наглядную модель¹. С момента возникновения древнерусского государства в его гражданском и уголовном законодательстве получили отражение символы – правовые идеи, символы – правовые обряды, символы-предметы, символы-наказания. При этом символизм русского средневекового государства не исчерпывался лишь символизмом правовой формы. В ряде случаев он мог носить надправовой характер – когда приобретал сакральные черты и не находил отражения в законодательстве. Особенно это проявлялось в ситуации применения смертной казни.

Средневековая казнь, по религиозным воззрениям, была принудительным разделением души и тела раньше предопределенного Богом естественного конца. Но при этом монархи конца XV – начала XVI века не были свободны в выборе репрессий и проверялись нравственными категориями православия. Применительно к уголовному праву это означало, что монарх имеет право мучить тело, но не душу. Более того, монарх обязан был заботиться о законности перехода в загробный мир. Основными видами смертной казни в начальный период Московского государства были повешение и отсечение головы. И хотя первый вид казни считался позорным способом лишения жизни, тем не менее при соблюдении исповеди и православной обрядности при погребении он, как и второй, не влек за собой каких-то специфических последствий перехода души в другой мир с религиозной точки зрения². В то же время, как отмечал М. Н. Гернет, на уровне бытовой юридической психологии повешение имело особое символическое значение, поскольку предполагалось, что душа в момент смерти не может выйти через горло и покидает тело через оскверненные органы³. Весьма редким видом смертной казни было сожжение, которое применялось только к еретикам. Символом здесь служила очистительная сила огня. Единственный зафиксированный Ермолинской летописью случай подобной казни имел место в 1504 году в отношении ереси «жидовствующих», «когда Великий князь Иван Васильевич и

¹ Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4/5. С. 72.

² Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М.: Юрист, 1995. С. 135.

³ Гернет М. Н. Смертная казнь: с прил. на особых листах 4 географических карт, 16 диаграмм в красках и 54 фотографий и рисунков. М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 109.

сын его... с Симоном митрополитом, и с епископы со всем собором обыскаша еретиков и велеша лихих смертию казнити»⁴.

Кроме этих видов смертной казни существовал еще один жестокий вид лишения жизни по делам о нарушении государственно-религиозных устоев – утопление. В качестве официального способа смертной казни («свержение с моста») оно было закреплено законами Новгорода и Пскова, то есть носило локальный характер. В Московском государстве утопление не было отражено в законодательстве и не применялось на основе обычных судебных процедур. Хотя отдельные случаи применения этого способа казни все же имели место. Например, Никоновская летопись сообщает, что в 1497 году на великую княгиню Софью был донос: сообщалось, что к ней приходили лихие бабы с зельем. По приказанию Ивана III этих баб «обыскали» и ночью утопили в реке, а супруги своей великий князь стал побаиваться и жить с ней в «бережении»⁵. Но если властью подобный вид лишения жизни применялся редко, то среди народных масс он был вполне обычным результатом самосуда над заподозренными в колдовстве, чьи души подвергались мучениям до Страшного суда.

Все изменилось в период правления Ивана IV, прозванного Грозным. Соединение идеологии самодержавия и религиозно-мистических воззрений этого правителя создало условия для появления особой концепции власти, которая наиболее ярко проявилась в годы опричнины. В основе концепции лежала идея синергийности, то есть взаимодействия человека и Бога через власть православного государя, который имеет право осуществлять воздаяние не только за любые порочные действия человека, но и за помыслы. По выражению В. А. Рогова, это искусственно привнесенное в русскую правовую мысль положение «перевернуло» основные уголовно-правовые понятия⁶. Во-первых, отпала необходимость нравственной оценки ценности жизни с позиции православия. Одним из последствий этого стала возможность применения смертной казни к малолетним детям и несовершеннолетним. В Судебниках 1497 и 1550 годов отсутствовало указание на возраст наступления уголовной ответственности, поскольку данная категория была прерогативой церкви. Так как преступление и грех отождествлялись, вменение на-

⁴ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссиею. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 151.

⁵ Полное собрание русских летописей... Т. 12: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 258.

⁶ Рогов В. А. Указ. соч. С. 150.

ступало с момента возможности грешить. В Кормчих книгах различных редакций XV и XVI веков предусматривалось освобождение от ответственности лиц до семи лет, и даже за совершение государственных преступлений несовершеннолетние старше семи лет не приговаривались к смертной казни. Во-вторых, смертной казни стали подлежать не антигосударственные действия, а «злодейские помыслы» подданных. В-третьих, на смену принципу индивидуализации наказания, характерному для уголовной политики предшествующего периода, пришло объективное вменение для всех членов семьи, слуг и даже лиц, каким-либо образом зависимых от «виновного». В-четвертых, замена государственного судопроизводства личным судом царя способствовала распространению принципа заочного осуждения. И наконец, право карать от имени Бога усилило связь наказаний с религиозной догматикой и привело к развитию надправового символизма в смертной казни, без которого была невозможна реализация важнейшей, с точки зрения царя, цели наказания – устрашения.

Устрашение в уголовном праве было немыслимо без символики, поскольку символ выступал важным фактором влияния на сознание народных масс. Как утверждал А. Л. Юрганов, «средневековая культура была пронизана амбивалентными значениями и всегда допускала сосуществование противоположностей». С одной стороны, вода выступала как символ крещения, а с другой, вне церковного освящения, – как место пребывания нечистой силы.⁷ И когда в период царствования Ивана Грозного началось массовое применение этого способа смертной казни и было запрещено хоронить утопших, это не воспринималось современниками только как жестокость, ибо форма и сущность этих казней были им понятны. Н. С. Тихонравов в своем исследовании отмечал: «По мифическим русским воззрениям, выразившимся в многочисленных и разнообразных произведениях народной поэзии, ад находится в пропастях на дне реки. Грешникам уготованы пропасти неисповедимые до Страшного суда»⁸.

Первое массовое утопление уже мертвых тел было осуществлено в отношении не православных, а мусульман. По запискам Генриха Штадена, после взятия Казани жителей убивали, а их трупы привязывали к бревнам голо-

⁷ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. С. 359.

⁸ Тихонравов Н. С. Памятники отреченней русской литературы. Собранны и изданы Николаем Тихонравовым. (Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России»). Т. 1. СПб.: Тип-тва «Обществ. польза», 1863. С. 191.

вой вниз и бросали в Волгу⁹. Отметим, что воззрения шариата на нарушение обряда похорон близки к христианским. В исламе обряд захоронения – это форма уважения к усопшему и его душе, поэтому если он не соблюдается, то душа усопшего будет лишена успокоения и не сможет уйти в безграничный мир Всевышнего. Уже в период опричнины нечто похожее произошло с православными в Твери, где «всем убитым отрубали ноги – устрашения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу»¹⁰. Царь нередко запрещал хоронить казненных по православному обряду. А. Шлихтинг описывает последствие нарушения подобного запрета. Некий воевода Владимир велел похоронить тело утопленного в реке по приказу слуги царя князя Курбского, за что его пытали, а затем убили и бросили в реку¹¹. Утопление как основной вид массовой смертной казни было использовано и в Новгороде в январе 1570 г. Об этом наиболее подробно сообщал новгородский летописец: «Повелел царь приводити... владычных бояр и иных многих служивых людей и жен их и детей, и повеле их пред собой горце мучити и лютее и безчеловечнее, всякими различными муками... и повеле государь телеса их некою составною мукою огненною поджигати... и быстро влещи за санми на великий Волховский мост, и повеле их с мосту метати в реку Волхов... И таково горе и мука бысть от неукротимыя ярости царевы, поче же от Божия гнева грех ради наших»¹². Эсхатологический образ подобной казни был понятен современникам как символ наказания грешников, которым уготована «вечная мука».

Кроме утопления, символизм проявлялся и в других казнях опричного периода. В Послании Иоганна Таубе и Элерта Крузе содержится описание смерти удельного князя Владимира Андреевича, его семьи и женщин из его окружения. Князь, его жена и дети, чтобы избежать казни, приняли яд, а вот с женщинами из его окружения царь жестоко расправился. Сперва их для постыдного зрелища травили собаками, а затем они были застрелены и растерзаны ужасным образом, их оставили лежать непогребенными под открытым небом птицам и зверям на съедение¹³. К подобному действию, когда

⁹ Штаден Г. Страна и правление московитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 419.

¹⁰ Там же. С. 394.

¹¹ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. Л.: Акад. наук СССР, 1935. С. 72.

¹² Новгородская летопись. (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Археографическая комиссия, 1879 (тип. Имп. акад. наук). С. 341–342.

¹³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / пер. М. Рогинского // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 47–48.

рассеченные тела отдавались на съедение животным, Ивана Грозного наталкивало «Откровение» Иоанна Богослова. В этом сочинении смерть является в образе всадника на коне бледном, а за ним следует ад, которому дана власть «умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Откр. 6:8).

А. Шлихтинг описывает любимую «забаву» царя: «Если тирану любо уладить свою душу... то он приказывает зашить кого-нибудь из знатных лиц в шкуру медведя... Наконец он выпускает собак чудовищной величины, которые разрывают его на глазах самого тирана и сыновей его...»¹⁴ Известны также случаи, когда людей просто бросали на растерзание медведям¹⁵. На первый взгляд здесь трудно проследить символическое соотнесение грехов человеческих с животными. Однако исследование Н. В. Покровского указывает на обратное. Собака в лицевых апокалипсисах олицетворяет зависть, от которой происходят наветы, ярость, вражда, распры, ненависть, памято-злобие и подражание. Что касается медведя, то он воплощал собой «чревобесие», порождающее блуд, отрицание закона, лжеклятие, пьянство, любосластие, татьбу, гортанобесие и нечистоту¹⁶.

В период опричнины и после нее в качестве одного из способов смертной казни сохранялось повешение, но символизм наказания проявлялся лишь тогда, когда действовало запрещение хоронить тела казненных: хотя царь и не мог лишить казненных возможности стоять на Страшном суде, но до его наступления он обрекал их души на мытарства. В иных случаях применялось и сожжение¹⁷, но огонь имел очистительную силу для душ грешников.

После упразднения опричнины в 1572 году массовые репрессии ушли в прошлое. А с 1578 года Иван Грозный вообще перестал казнить и начал казнить не только в «объядении и пиянстве», но и в «убийстве» (в этом он признаётся в своем завещании 1579 года)¹⁸. Не без участия царя в 1582 году Боярская дума законодательно закрепила ответственность за ложные доносы¹⁹, на основе которых в период опричнины строились многие обвинения в измене. Данный акт Боярской думы фактически повторил статью 59 Судебника

¹⁴ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 73.

¹⁵ Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук, 1955. С. 262.

¹⁶ Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) Т. 3. Одесса: Тип. А. Шульце, 1887. С. 372–373.

¹⁷ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 56.

¹⁸ Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 401.

¹⁹ Скрынников Р. Г. Россия после опричнины: Очерки полит. и социальной истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. С. 97.

1550 года, которая предписывала за ложное «ябедничество» в антигосударственных преступлениях казнить смертной казнью. Таким образом, материальный талион (равное за равное) становился правовым символом.

После смерти Ивана Грозного в 1584 году власть попыталась возродить принципы уголовного законодательства доопричного периода. Сын Ивана Грозного Федор Иванович занимал престол четырнадцать лет, но фактическим правителем был Борис Годунов, которого в 1598 году Земский собор избрал царем. В этот период произошла некоторая либерализация уголовной карательной системы. Как сообщал Конрад Буссов, Годунов «многие неисправные дела привел в полный порядок, многие злоупотребления пресек, многим вдовам и сиротам помог добиться справедливости»²⁰. Следует, однако, отметить двуличность Годунова в этой сфере: массовых публичных казней при нем не было, но своих политических врагов он арестовывал и тихо отправлял в ссылку или монастырскую тюрьму, где те обычно вскоре умирали – кто от яда, кто от петли, а кто и от невыносимых условий содержания, как, например, Михаил Никитич Романов в 1602 году.

Вторжение войск Самозванца положило начало гражданским войнам и иностранной интервенции. Этот период, получивший название Смуты, казалось, привел к возвращению террора опричнины, причем в еще больших масштабах, поскольку насилие применялось всеми противоборствующими сторонами. В этих условиях, как отмечал В. А. Рогов, было уже недостаточно просто карать своих противников, нужно было обеспечить им неблагоприятные условия существования в загробном мире²¹. Как следствие, происходит возрождение символизма через массовое использование утопления и повешения без христианских обрядов погребения. Кроме того, в период Смуты начинается массовое использование членовредительных наказаний (отрезание языка, отсечение рук и ног). Жертвы подобных наказаний становятся символами устрашения. Важно отметить, что негативным следствием активного и повсеместного применения членовредительных наказаний стала деформация правосознания как властей предержащих, так и всего населения в сторону восприятия этих наказаний как обычного явления.

После окончания Смуты и укрепления династии Романовых государство стало щепетильнее относиться к вопросам веры, поскольку уголовная политика в большей степени стала согласовываться с догматами православия, по

²⁰ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 79.

²¹ Рогов В. А. Указ. соч. С. 169.

которым государь был обязан заботиться о душах приговоренных к смертной казни, об их покаянии и погребении. Поэтому законодательного закрепления утопления как формы лишения жизни не произошло. Кроме того, как отмечал В. А. Рогов, государство в XVII веке было озабочено поиском различных правовых форм, утверждавших принципы справедливости уголовного законодательства безотносительно к сословиям²². Одной из таких форм, закрепленных в законодательстве, стал материальный и символический талион. При материальном талионе наказание соответствовало нанесенному вреду, а при символическом – наказанию подвергалась та часть тела, с помощью которой было совершено преступление, то есть понесший наказание преступник становился «афишой» символа. Так, Уложение 1649 года установило для фальшивомонетчиков смертную казнь залитием горла металлом (ст. 1 гл. V)²³. Этот способ наказания, имевший символическое значение, практиковался еще в XVI веке. Материальный талион применялся ко всякому, кто «умышлением и изменою город зажжет»: тогда его самого следовало «зжечь безо всякого милосердия» (ст. 4 гл. II)²⁴. Сожжение было предусмотрено и за поджог двора ради вражды и разграбления (ст. 228 гл. X)²⁵. Осуждение раскола и его криминализация также привели к использованию материального талиона. По указу 1884 года подстрекателей к самосожжению из числа раскольников стали приговаривать «в срубе жечь и пепел развеять»²⁶. В случае ложного доноса в государевом деле или измене доносчик подвергался тому же наказанию, которому должен был подвергнуться обвиняемый (ст. 17 гл. II)²⁷, а это чаще всего была смертная казнь. Смертная казнь по принципу материального талиона применялась и в отношении отравителей: их заставляли выпить яд (ст. 23 гл. XXII)²⁸.

²² Рогов В. А. Указ. соч. С. 182.

²³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 91.

²⁴ Там же. С. 86.

²⁵ Там же. С. 140.

²⁶ Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Т. 5: 1676–1700. № 117. С. 190–191; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук: в 4 т. / ред. А. А. Краевский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 4: 1645–1700. № 284. С. 396.

²⁷ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов... С. 89.

²⁸ Там же. С. 250.

Применение членовредительных наказаний, представленных в значительном количестве статей Соборного уложения, также было связано с принципом талиона, особенно символического, который служил своеобразным проявлением справедливости. Статьи 4 и 5 главы III устанавливали, что за обнажение оружия или нанесение ран на царском дворе виновные наказывались отсечением руки. Такое же наказание следовало по статье 9 главы XXI за третью кражу²⁹. Отсечение руки Уложение предусматривало и для подьячих за фальсификацию протоколов (ст. 12 гл. X)³⁰. Статья 10 главы XIV устанавливала урезание языка за ложные клятвы, в соответствии с Правилами святых отцов и апостолов³¹. Во всех этих случаях наказанию подвергался орган, с помощью которого было совершено преступление. В качестве членовредительных наказаний по принципу материального талиона Уложением предусматривались отсечение руки, ноги, носа, уха, обрезание губ, выкалывание глаз (ст. 10 гл. XXII)³².

Нередко членовредительные наказания в Уложении выступали как символ совершения определенных преступлений и являлись своего рода справкой о судимости. Глава XXI предусматривала отрезание ушей за обычную кражу (ст. 9, 10), первый разбой (ст. 16) и третью кражу рыбы из пруда (ст. 90)³³. Отметим, что одновременно с отрезанием ушей применялось еще и клеймение в соответствии с указом от 19 мая 1637 года, который устанавливал «пятнati разбойников на правой щеке “рцы”; на лбу “земля”, на левой щеке “буки”. А татей: велел на правой щеке “твердо”, на лбу “аз”, “твердо” на левой щеке»³⁴. Знаковым символом являлось и урезание ноздрей. Статья 16 главы XXV Уложения гласила: «А которые стрельцы и гулящие и всякие люди с табаком будут в приводе дважды, или трижды... у таких людей пороти ноздри...»³⁵ Дело в том, что церковь считала табачников грешниками, стремящимися к плотским удовольствиям, а сам табак – чертовым ладаном.

Таким образом, в истории развития символизма в уголовном праве XVI–XVII веков можно выделить два этапа. Первый этап охватывает времена

²⁹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов... С. 90.

³⁰ Там же. С. 103.

³¹ Там же. С. 161.

³² Там же. С. 248.

³³ Там же. С. 231, 232, 245.

³⁴ Памятники русского права. Вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии: Первая половина XVII в. / сост. А. А. Зимин [и др.]; под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздан, 1959. С. 223–224.

³⁵ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов... С. 256.

правления Ивана Грозного. Соединение идеологии самодержавия и религиозно-мистических воззрений царя стало основой для деформации многих сложившихся принципов уголовной политики и развития в сфере смертной казни символизма, носившего надправовой характер и лишавшего казненных христианских погребальных обрядов. Непродолжительный этап некоторой либерализации этой политики в конце правления Ивана Грозного и в период нахождения у власти Федора Ивановича и Бориса Годунова был прерван начавшейся Смутой, которая не только возродила надправовой символизм смертной казни, но и привела к массовому использованию члено-вредительных наказаний.

Второй этап начинается с завершением Смуты, когда государство более щепетильно относится к вопросам веры и стремится согласовывать уголовную политику с идеями справедливости и догматами православия. В результате символизм приобретает правовой характер, а его символы не только включаются в структуру уголовных норм, но и становятся инструментом дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Библиографический список

Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Т. 4: 1645–1676; Т. 5: 1676–1700.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук: в 4 т. Т. 4: 1645–1700 / ред. А. А. Краевский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.

Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.

Волленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4/5. С. 71–73.

Гернет М. Н. Смертная казнь: с прил. на особых листах 4 географических карт, 16 диаграмм в красках и 54 фотографий и рисунков. М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913.

Новгородская летописи. (Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Археографическая комиссия, 1879 (тип. Имп. акад. наук).

Памятники русского права. Вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / сост. А. А. Зимин [и др.]; под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздан, 1959.

Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) Т. 3. Одесса: Тип. А. Шульце, 1887. С. 285–381.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссию. Т. 12: VIII. Летописный сборник, имеемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901; Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / пер. М. Г. Рогинского // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 30–59.

Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук, 1955.

Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М.: Юрист, 1995.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985.

Скрынников Р. Г. Россия после опричнины: Очерки полит. и социальной истории / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Собранны и изданы Николаем Тихонравовым. (Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России»). Т. 1. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1863.

Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга / пер., ред. и прим. А. И. Малеина; Акад. наук СССР. 4-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935.

Штаден Г. Страна и правление московитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев / пер. с нем. И. Анонимова, И. Полосина. Смоленск: Русич, 2003. С. 380–430.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-22-36

Взыскание убытков за нарушения, допущенные судебным приставом-исполнителем на стадии исполнительного производства

А. О. Казаков

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
помощник председателя Пермского краевого суда

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: alexkazak.ak@gmail.com

Аннотация: в статье исследуется вопрос взыскания убытков за нарушения, допущенные судебным приставом-исполнителем на стадии исполнительного производства в судах общей юрисдикции. На основе анализа актуальной судебной практики автор приходит к заключению, что системное толкование норм материального права, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции позволяет сделать вывод о том, что в удовлетворении иска о взыскании убытков с судебного пристава-исполнителя будет отказано, если судебный пристав докажет отсутствие его вины, а именно то, что им были приняты в разумных пределах все необходимые и достаточные меры для обеспечения законности действий по исполнению исполнительного документа, в том числе для исключения возможности причинения вреда третьим лицам.

Ключевые слова: исполнительное производство; убытки; судебный пристав-исполнитель

© Казаков А. О., 2024



Recovery of Damages for Violations Committed by the Bailiff at the Stage of Enforcement Proceedings

A. O. Kazakov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: alexkazak.ak@gmail.com

Abstract: the author examines the issues of recovery of damages for violations committed by a bailiff at the stage of enforcement proceedings in courts of general jurisdiction. Based on the analysis of current judicial practice, the author concludes that a systematic interpretation of the norms of substantive law, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial practice of cassation and appeal courts of general jurisdiction allows us to conclude that the claim for damages from the bailiff will be refused if the bailiff proves the absence of his guilt namely, that he has taken all necessary and sufficient measures within reasonable limits to ensure the legality of actions to execute the executive document, including to exclude the possibility of harm to third parties.

Keywords: enforcement proceedings; losses; bailiff

Падение реальных доходов населения, а также трудности, которые испытывает российская экономика в последние годы, неизбежно обусловливают увеличение количества гражданских дел в судах общей юрисдикции в отношении граждан, а также рост числа исполнительных производств. Однако, как отмечал выдающийся советский и российский правовед В. П. Реутов, любое человеческое общество существует благодаря наличию у него функции саморегулирования¹. Поэтому и в такой ситуации кредиторы ищут любые законные способы получить удовлетворение своих требований, в том числе за счет казны Российской Федерации.

Одним из наиболее надежных и интересных, с точки зрения взыскателей, способов возместить понесенные ими имущественные потери является взыскание убытков за нарушения, которые были допущены судебным приставом-исполнителем на стадии исполнительного производства. Причем если сравнительно недавно судебная практика судов общей юрисдикции

¹ Реутов В. П. Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 622–630.

складывалась для истцов-кредиторов преимущественно отрицательно, то в последние годы ее вектор существенно изменился не в пользу публичной власти в лице судебных приставов-исполнителей.

Представляется, что данное явление объясняется в первую очередь общим ухудшением качества работы судебных приставов-исполнителей в условиях существенного роста нагрузки на органы Федеральной службы судебных приставов России, что находит свое отражение как в юридической литературе, так и в судебной практике судов всех инстанций по вопросам исполнения судебных актов. Как справедливо отмечает Е. М. Полнякова, «проблема исполнимости судебных решений своей актуальности не утратила», поскольку «одной из причин неисполнения судебных решений является низкая эффективность деятельности ФССП в целом, инертность, нераспорядительность и откровенное бездействие отдельных судебных приставов-исполнителей в частности», в связи с чем, по общему правилу, «недостатки в организации работы элементов системы государственного управления компенсируются (в данном случае ФССП) системой – государством»².

Возможность присуждения компенсации причиненного вреда, в том числе морального, при установлении незаконности действий или незаконного бездействия органов публичной власти была выражена еще в Постановлении Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 1 октября 2009 года «Дело “Макарова (Makarova) против Российской Федерации” (жалоба № 23554/03)», поскольку процедура исполнения судебного акта рассматривалась Европейским судом как неотъемлемая часть судебного разбирательства.

Согласно правовой позиции ЕСПЧ, по смыслу статей 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³ право на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон, и исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть судебной защиты (постановление от 19 марта 1997 года по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции» (жалоба № 18357/91) и др.).

² Полнякова Е. М. Верховный Суд РФ: ущерб, причиненный бездействием судебного пристава-исполнителя, возмещается государством // Российский судья. 2019. № 5. С. 42–48.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 24.06.2013).

На это обращал внимание и Конституционный Суд Российской Федерации⁴. В своих постановлениях он неоднократно отмечал, что исполнение судебного акта следует рассматривать как неотъемлемый элемент судебной защиты (постановления от 15 января 2002 г. № 1-П, от 14 мая 2003 г. № 8-П, от 14 июля 2005 г. № 8-П, от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 26 февраля 2010 г. № 4-П, от 14 мая 2012 г. № 11-П, от 10 марта 2016 г. № 7-П, от 23 июля 2018 г. № 35-П и др.).

В настоящее время правовой основой для подавляющего большинства исков о взыскании убытков с судебных приставов-исполнителей являются статьи 15 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)⁵, статья 119 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), а также разъяснения, изложенные в пунктах 80–87 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (далее – Постановление № 50).

Согласно статье 15 части первой ГК РФ «лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере» (п. 1).

В силу статьи 1069 части второй ГК РФ «вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования».

В силу части 2 статьи 119 Закона об исполнительном производстве «заинтересованные лица вправе обратиться в суд с иском о возмещении убыт-

⁴ По делу о проверке конституционности части первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Т. В. Ивановой, И. М. Митина и Е. В. Шкотова: постановление Конституционного Суда РФ от 23 июля 2018 г. № 35-П.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г.

ков, причиненных им в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения».

Как разъяснено в Постановлении № 50, «защита прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий осуществляется по правилам главы 17 Закона об исполнительном производстве, но не исключает применения мер гражданской ответственности за вред, причиненный незаконными постановлениями, действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя» (п. 80).

«По делам о возмещении вреда суд должен установить факт причинения вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя и причинением вреда» (п. 82). При этом причинная связь между противоправным действием (бездействием) причинителя и наступившим вредом является обязательным условием деликтной ответственности и выражается в том, что первое предшествует второму во времени и первое порождает второе⁶. Отсутствие одного из указанных обстоятельств исключает возможность для взыскания убытков⁷.

«То обстоятельство, что действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве, не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного этими действиями (бездействием), и их законность суд оценивает при рассмотрении иска о возмещении вреда» (п. 82).

«Если в ходе исполнительного производства судебный пристав-исполнитель не осуществил необходимые исполнительные действия по исполнению исполнительного документа за счет имевшихся у должника денежных средств или другого имущества, оказавшихся впоследствии утраченными, то на истца по иску о возмещении вреда, причиненного незаконным бездействием судебного пристава-исполнителя, не может быть возложена обязанность по доказыванию того обстоятельства, что должник не владеет иным имуществом, на которое можно обратить взыскание.

В то же время отсутствие реального исполнения само по себе не является основанием для возложения на государство обязанности по возмещению не полученных от должника сумм по исполнительному документу,

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 нояб. 2022 г. № 5-КГ22-111-К2.

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 5-КГ19-44.

поскольку ответственность государства в сфере исполнения судебных актов, вынесенных в отношении частных лиц, ограничивается надлежащей организацией принудительного исполнения этих судебных актов и не подразумевает обязательности положительного результата, если таковой обусловлен объективными обстоятельствами, зависящими от должника» (п. 85).

Согласно приведенным выше положениям законов и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, осуществление функций принудительного исполнения судебных актов возлагается на Федеральную службу судебных приставов, ее структурные подразделения и непосредственно на судебных приставов-исполнителей, которые, в силу возложенных на них обязанностей, должны обеспечивать законность исполнительных действий, не допускать причинения вреда посторонним лицам, своевременно рассматривать жалобы и обращения граждан, принимать адекватные меры по устраниению допущенных в процессе исполнения судебных актов нарушений и выступать от имени Российской Федерации в правоотношениях по возмещению вреда, причиненного ими при исполнении судебных актов⁸.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в абзаце 3 пункта 1 Постановления № 50, «требования об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей и иных должностных лиц Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России) рассматриваются в порядке, предусмотренном главой 22 КАС РФ⁹... Если от разрешения данных требований зависит определение гражданских прав и обязанностей сторон исполнительного производства, а также иных заинтересованных лиц, указанные требования рассматриваются в порядке искового производства».

Поскольку иски о взыскании убытков с судебных приставов-исполнителей с участием граждан напрямую связаны с установлением гражданских прав и обязанностей сторон исполнительного производства, они подлежат рассмотрению в порядке искового производства, на что также указано в абзаце 2 пункта 1 Постановления № 50 и что подтверждается сложившейся судебной практикой.

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2021 г. № 5-КГ21-45-К2, 2-13238/2018.

⁹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024): принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г.

Вопросы возмещения убытков судебным приставом-исполнителем неоднократно обобщались Верховным Судом РФ в обзорах судебной практики последних лет.

В пункте 10 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023)» указано, что «убытки, причиненные кредитору неправомерным перечислением судебным приставом-исполнителем денежных средств должнику при наличии остатка задолженности по исполнительному производству, подлежат возмещению Федеральной службой судебных приставов»¹⁰. В пункте 8 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019)» указано, что «если после возбуждения исполнительного производства должник располагал денежными средствами и иным имуществом, достаточными для погашения задолженности перед взыскателем в полном объеме, однако в результате бездействия судебного пристава-исполнителя такая возможность была утрачена, взыскатель вправе требовать возмещения вреда в порядке, установленном статьей 1069 ГК РФ»¹¹.

Вместе с тем одним лишь простым установлением состава гражданско-правового деликта в виде факта причинения вреда, вины причинителя вреда и причинно-следственной связи между незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя и причинением вреда актуальная судебная практика гражданской коллегии Верховного Суда РФ не ограничивается.

Верховным Судом РФ неоднократно обращалось внимание нижестоящих судов на то, что если наличие вреда и его размер доказываются потерпевшим, то вина причинителя предполагается, то есть отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство¹². Обязанность доказать отсутствие вины возлагается на причинителя вреда¹³, возложение же на потерпевшего обязанности доказывания ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязанностей не допускается¹⁴. Таким образом, на обе стороны

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 июля 2023 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/32658/>.

¹¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 дек. 2019 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/28646/>.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 нояб. 2022 г. № 5-КГ22-111-К2.

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 дек. 2020 г. № 44-КГ20-16-К7.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2018 г. № 16-КГ18-21.

судебного разбирательства возлагается бремя доказывания: истец обязан доказать наличие факта причинения вреда и его размер, причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя и причинением вреда, ответчик – отсутствие вины в совершении деликта, а именно принятие им в разумных пределах всех необходимых и достаточных мер для обеспечения законности его действий, в том числе для исключения возможности причинения вреда третьим лицам¹⁵.

Кроме того, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, в целях соблюдения требований статей 67, 196 Гражданского процессуального кодекса РФ¹⁶, в знаковом определении от 26 сентября 2023 г. № 67-КГ23-10-К8 сформулированы обстоятельства, которые подлежат установлению судом при разрешении вопроса о взыскании убытков с судебных приставов-исполнителей:

1) обстоятельства возникновения убытков («чем истцу был причинен ущерб»): вследствие длительности времени исполнения («ввиду отсутствия у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание») или утраты возможности исполнения по вине судебного пристава-исполнителя («обусловленной действиями взыскателя»);

2) размер убытков взыскателя: «определяется стоимостью имущества, на которое не было обращено взыскание в ходе исполнительных действий, только в случае невозможности дальнейшего исполнения»;

3) утрата возможности взыскания: «если возможность взыскания не утрачена, стоимость иного имущества должника, на которое может быть обращено взыскание по исполнительному документу, должна учитываться при определении размера причиненных истцу убытков»;

4) наличие преюдициальности по ранее рассмотренному административному делу (однако признание бездействия судебного пристава-исполнителя незаконным в судебном порядке «само по себе не может быть расценено в качестве достаточного основания для возмещения убытков за счет казны Российской Федерации»).

Несмотря на то что конкретный перечень нарушений, допущение которых влечет за собой взыскание убытков и которыми могли бы руководствоваться

¹⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2021 г. № 5-КГ21-45-К2, 2-13238/2018.

¹⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002г.: одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024).

ваться суды общей юрисдикции при рассмотрении таких дел, по настоящее время отсутствует, сложившаяся за 2017–2023 годы судебная практика позволяет выделить некоторые типичные деликты, могущие, с учетом конкретных обстоятельств дела, повлечь за собой взыскание убытков с казны Российской Федерации:

1. Судебный пристав-исполнитель не установил, соответствует ли юридический адрес должника адресу, указанному в исполнительных документах; обратил взыскание на денежные средства должника до истечения пятидневного срока для добровольного исполнения требований и в отсутствие доказательств получения обществом копий постановлений судебного пристава-исполнителя; перечислил денежные средства на банковский счет неизвестного лица¹⁷.

2. Судебный пристав-исполнитель списал денежные средства со счета истца, не являющегося должником, и направил часть из них на погашение чужого долга, а часть – на чужой счет в банк: риск таких совпадений идентифицирующих данных не может быть переложен с государственного органа, отвечающего за законность исполнения судебного акта, на гражданина, не имеющего отношения к исполнительному производству¹⁸.

3. Судебный пристав-исполнитель не осуществил необходимые действия по исполнению исполнительного документа за счет имевшихся у должника денежных средств или другого имущества, оказавшихся впоследствии утраченными; прекратил исполнительное производство, в том числе вследствие исключения должника-организации из ЕГРЮЛ¹⁹.

4. Судебный пристав-исполнитель не выполнил действий, направленных на принудительное исполнение требований исполнительного документа; по адресу местонахождения должника не выходил; наличие либо отсутствие имущества должника, на которое могло быть обращено взыскание, не устанавливал, вследствие чего возможность обратить взыскание на это имущество была утрачена²⁰.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 дек. 2022 г. № 20-КГ22-15-К5.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2021 г. № 5-КГ21-45-К2, 2-13238/2018.

¹⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 мая 2021 г. № 16-КГ21-4-К4, 2-2065/2019.

²⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 февр. 2021 г. № 41-КГ20-17-К4, 2-2295/19.

5. Ввиду бездействия судебного пристава-исполнителя обеспечительные меры по иску не были исполнены; более того, судебный пристав-исполнитель отменил запрет на совершение регистрационных действий, недвижимое имущество было отчуждено ответчиком третьим лицам²¹.

6. Судебный пристав-исполнитель несвоевременно принял меры по аресту денежных средств, находящихся на счете должника в банке, поскольку вынес постановление о наложении ареста спустя месяц с момента поступления информации о наличии денежных средств на счете должника, когда денежные средства уже были сняты; не были представлены доказательства направления в банк постановления об обращении взыскания на денежные средства должника²².

7. Имущество (стиральная машина, телевизор, микроволновая печь, кухонный диван, сканер, офисное кресло), на которое был наложен арест судебным приставом-исполнителем и которое было передано на реализацию, принадлежало не должнику, а иному лицу, в связи с чем данное имущество было утрачено и потерпевшему был причинен ущерб²³.

Судебная практика судов общей юрисдикции кассационной и апелляционной инстанций также выработала ряд позиций, дополняющих изложенные правовые подходы Верховного Суда РФ при рассмотрении данной категории дел. Эти подходы заключаются в следующем:

1. Поскольку действия судебного пристава-исполнителя по наложению ограничения на выезд истца за пределы страны не соответствовали требованиям закона, находились в причинно-следственной связи с причиненными истцу убытками в виде расходов на оплату путевки, воспользоваться которой истец не смог, и доказательства отсутствия вины в причинении ущерба ответчиками суду представлено не было, суд усмотрел наличие оснований для взыскания в пользу истца убытков, судебных расходов²⁴.

2. Поскольку по вине судебного пристава-исполнителя принадлежащие истцу денежные средства необоснованно были перечислены на счета, указанные в судебных приказах, имеющих признаки подделки, суд взыскал

²¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 дек. 2020 г. № 44-КГ20-16-К7.

²² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 июня 2019 г. № 5-КГ19-56.

²³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 дек. 2017 г. № 50-КГ17-26.

²⁴ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2023 г. № 88-11747/2023.

в пользу заявителя убытки; при этом ответчик в лице судебного пристава-исполнителя не был лишен права самостоятельно обратиться в суд с иском о взыскании неосновательного обогащения к третьим лицам²⁵.

3. В условиях совершения ошибки по списанию денежных средств не с должника, а с другого лица гражданин вправе заявить иск о возмещении вреда, причиненного в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов. Поскольку по вине судебного пристава-исполнителя принадлежащие гражданину денежные средства необоснованно были перечислены в погашение задолженности перед кредитором, суд апелляционной инстанции взыскал убытки в пользу истца.

4. Поскольку иное имущество, обращение взыскания на которое позволило бы в разумный срок удовлетворить требования взыскателя, не было обнаружено, реальная возможность исполнения была утрачена; при этом судебная коллегия приняла во внимание значительный срок, в течение которого длилось исполнительное производство без каких-либо эффективных действий по исполнению²⁶.

5. Поскольку с момента возбуждения исполнительного производства в 2016 году вплоть до 2021 года судебным приставом-исполнителем не предпринимались действия для установления доходов должника по месту отбывания наказания, то не был своевременно выявлен факт назначения пенсии, не направлялись в уполномоченные органы постановления об обращении взыскания на доходы должника в виде заработной платы и пенсии, что привело к утрате возможности исполнения за период с 2017 года по ноябрь 2021-го. Данные обстоятельства свидетельствуют о ненадлежащей организации принудительного исполнения по вине ответчика, об утрате возможности обращения взыскания на эти суммы, а значит, о возникновении у истца убытков²⁷.

6. Установив, что судебные приставы не исполняли обязанность по обеспечению контроля за сохранностью имущества должника, а также обязанность по своевременному исполнению судебного акта, в результате чего

²⁵ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 апр. 2023 г. № 88-6204/2023 по делу № 2-1240/2022.

²⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 3 марта 2021 г. по делу № 33-2619/2021.

²⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 17 мая 2022 г. по делу № 33-6047/2022 (№ 2-3227/2021).

имущество было утрачено, а это привело к невозможности удовлетворения требований исполнительного документа и, как следствие, к невозможности получения взыскателем денежных средств, на которые взыскатель справедливо рассчитывал, то есть к возникновению убытков, суд обоснованно пришел к выводу об удовлетворении исковых требований²⁸.

7. Основанием для ответственности судебного пристава-исполнителя является не факт незаконности его действий сам по себе, а совокупность всех установленных условий. Указанные разъяснения применимы также при определении наличия оснований компенсации морального вреда²⁹.

Как отмечается в этой связи в юридической литературе, «при взыскании морального вреда от действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя дополнительным условием для наступления ответственности является доказанность причинения вреда личным неимущественным правам истца или принадлежащим гражданину нематериальным благам. Исключение составляют иные предусмотренные законом случаи, когда взыскание морального вреда допускается и при причинении вреда имущественным интересам»³⁰.

Вместе с тем изменение вектора практики по данной категории дел в сторону взыскания убытков вовсе не означает, что такое требование является безусловным.

Как указывает Верховный Суд РФ, вопрос о законности действий судебного пристава-исполнителя и наличии его вины по делам о возмещении вреда подлежит оценке с учетом всех обстоятельств дела, а неисполнение должником решения суда не является безусловным основанием для возложения ответственности на судебного пристава-исполнителя. При этом неисполнение решения суда может быть обусловлено действиями должника, третьих лиц либо объективными обстоятельствами, а порядок исполнения судебным приставом-исполнителем исполнительного документа, включающий предложение должнику добровольно исполнить требования, а также меры принудительного исполнения регламентированы законом³¹.

²⁸ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 25 февр. 2021 г. по делу № 33-2373/2021.

²⁹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2023 г. № 88-12162/2023 по делу № 2-1401/2022; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 марта 2023 г. № 88-4353/2023 по делу № 2-544/2022.

³⁰ Дедюева М. В. Вопросы возмещения гражданину вреда с государства Российской Федерации в лице ФССП России в судебной практике // Российский судья. 2020. № 5. С. 9–14.

³¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 сент. 2019 г. № 51-КГ19-5.

Из буквального смысла указанной позиции следует, что, если судебный пристав-исполнитель своевременно принял все зависящие от него меры для исполнения решения суда, его вина в неисполнении должником решения будет отсутствовать. Например, когда невозможность исполнения судебных актов вызвана обстоятельствами, связанными с отсутствием у должника денежных средств и имущества, на которое может быть обращено взыскание для погашения задолженности перед истцом, и не представлено надлежащих доказательств, подтверждающих предъявление для принудительного исполнения исполнительных листов и их утрату на стадии исполнительного производства судьями-исполнителями и др.³²

Нижестоящие суды кассационной и апелляционной инстанций в развитие указанного подхода отмечают следующее:

1. Поскольку возможность принудительного исполнения исполнительного документа в отношении взыскателя в настоящее время не утрачена (наложен запрет на транспортное средство, принадлежащее должнику, обращено взыскание на его доходы), суд пришел к верному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требований истца и взыскания убытков в размере непогашенной задолженности должника за счет средств казны Российской Федерации³³.

2. Поскольку в рамках дела о банкротстве должника не утрачена возможность удовлетворения требований кредитора о возмещении ему денежных средств, отсутствие реального исполнения требований кредитора на момент рассмотрения настоящего дела само по себе не является основанием для возложения на государство обязанности по возмещению не полученных от должника сумм по исполнительному документу³⁴.

3. То обстоятельство, что бездействие судебных приставов-исполнителей частично признано незаконным, не свидетельствует о наступлении у истца убытков, поскольку указанные действия не состоят в причинной связи; не всякое бездействие судебного пристава-исполнителя влечет наступление убытков у взыскателя, а только то, в результате которого было утрачено имеющееся у должника имущество, достаточное для удовлетворения требований взыскателя³⁵.

³² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 5-КГ19-44.

³³ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 авг. 2023 г. по делу № 88-13949/2023.

³⁴ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июля 2023 г. по делу № 88-13003/2023, 2-1976/2022.

³⁵ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2023 г. № 88-11453/2023 по делу № 2-3961/2022.

4. Совершение судебным приставом-исполнителем действий, направленных на принудительное исполнение решение суда (демонтаж гаража), является следствием длительного неисполнения должником в добровольном порядке вступившего в законную силу судебного постановления о сносе металлического гаража; оснований полагать, что возникновение у истца убытков в виде потери разобранного гаража связано с действиями судебного пристава-исполнителя, а не самого истца, не имеется³⁶.

5. Если судами не установлено наличие необходимой совокупности условий для ответственности судебного пристава-исполнителя, основания компенсации морального вреда отсутствуют³⁷.

Как справедливо отмечено в определении Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 21 февраля 2020 года по делу № 33-3218/2020, в таких случаях суд должен установить, есть ли иное имущество, обращение взыскания на которое позволило бы в разумный срок удовлетворить требования взыскателя. В ситуации, когда должник является собственником большого ликвидного имущества, денежные средства от продажи которого будут направлены на погашение его задолженности, удовлетворение требований истца о взыскании убытков является преждевременным, ибо на момент рассмотрения спора отсутствует состав деликтного обязательства, в частности такой его элемент, как наличие вреда и его размер. Спор о взыскании убытков может быть разрешен только в отношении оставшейся непогашенной части долга. С учетом изложенного решение суда об отказе истцу в иске в настоящее время является правильным.

Системное толкование приведенных норм материального права, разъяснений Верховного Суда РФ и судебной практики кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции позволяет сделать вывод о том, что в удовлетворении иска о взыскании убытков с судебного пристава-исполнителя будет отказано, если судебный пристав докажет отсутствие своей вины, а именно то, что им были приняты в разумных пределах все необходимые и достаточные меры для обеспечения законности действий по исполнению исполнительного документа, в том числе для исключения возможности причинения вреда третьим лицам.

³⁶ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 февр. 2023 г. № 88-1819/2023 по делу № 2-3452/2022.

³⁷ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2023 г. № 88-5254/2023 по делу № 2-3180/2022; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 февр. 2023 г. № 88-1671/2023.

Библиографический список

Дедюева М. В. Вопросы возмещения гражданину вреда с государства Российской Федерации в лице ФССП России в судебной практике // Российский судья. 2020. № 5. С. 9–14.

Полнякова Е. М. Верховный Суд РФ: ущерб, причиненный бездействием судебного пристава-исполнителя, возмещается государством // Российский судья. 2019. № 5. С. 42–48.

Реутов В. П. Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 622–630.

Информация для цитирования

Казаков А. О. Взыскание убытков за нарушения, допущенные судебным приставом-исполнителем на стадии исполнительного производства // *Ex jure*. 2024. № 2. С. 22–36. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-22-36

Kazakov A. O. Recovery of Damages for Violations Committed by the Bailiff at the Stage of Enforcement Proceedings. *Ex jure*. 2024. № 2. Pp. 22–36. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-22-36

УДК 340.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-37-47

Вклад профессора Валерия Павловича Реутова в развитие учения о структуре права и современность

Д. Н. Круглов

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: dkrugl@mail.ru

Аннотация: в статье обсуждается осевая идея, объединяющая научную работу профессора кафедры теории и истории государства и права ПГУ – ПГНИУ В. П. Реутова в поздний период его творчества, а именно определяющая роль собственно юридических функций права – регулятивно-статической, регулятивно-динамической, охранительной, интегративно-социальной – для структуры органической системы правовых норм, имеющей объективные, общие для всех правовых систем параметры. Установительное (материальное и процессуальное) право, публичные и частные правовые начала присутствуют в структуре любой системы права, в то время как отраслевой принцип, а также распределение норм по институтам конвенциональны и субъективны. Автором исследования показывается несостоятельность дуализма системы права и системы законодательства, отмечается перспективность и эвристическая ценность учения В. П. Реутова для развития отечественной теории государства и права.

Ключевые слова: концепция В. П. Реутова; функции права; функциональный подход к системе права; субъективное и объективное в системе права и системе законодательства

© Круглов Д. Н., 2024



The Contribution of Professor Valery Pavlovich Reutov to the Development of the Teaching about the Structure of Law and Modern Science

D. N. Kruglov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: dkrugl@mail.ru

Abstract: the axial idea is discussed, uniting the scientific work of Professor of the Department of Theory and History of State and Law of PSU – PSNRU V. P. Reutov in the late period of his work, namely, the determining role of the proper legal functions of law (regulatory-static, regulatory-dynamic, protective, integrative-social) for the structure of the organic system of legal norms, which has objective, universal parameters for all legal systems. The presence of constitutive (substantive and procedural) law, public and private legal principles is present in the structure of any legal system, while the sectoral principle, as well as the distribution of norms among institutions, is conventional and subjective. The inconsistency of the dualism of the legal system and the system of laws is shown, the promising heuristic value of the teachings of V. P. Reutov for the development of the russian theory of state and law is noted.

Keywords: concept of V. P. Reutov; functions of law; functional approach to the legal system; subjective and objective factors influencing the legal system and system of laws

Субъективные и объективные факторы, влияющие на формирование системы права, до сих пор требуют прояснения и фундаментального обоснования в рамках теории государства и права. Три научные дискуссии на эту тему, которые пережили советские теоретики права (в конце 1930-х, середине 1950-х и в 1970-х годах), казалось, сформировали определенный научный консенсус, однако действующий в настоящее время классификатор правовых актов¹ не в полной мере этот консенсус выражает и выглядит как порождение бюрократической мысли, всецело подчиненной техническим потребностям обмена автоматизированной информацией между ведомствами.

¹ О классификаторе правовых актов: Указ Президента Рос. Федерации от 15 марта 2000 г. № 511 (в ред. от 5 октября 2002 г. № 1129; от 28 июня 2005 г. № 736).

Для нас очевидна своевременность постановки вопроса о приемлемости господствующего мнения об основах отраслевого деления права и принципах его структурирования.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного университета (с 2011 года Пермского государственного национального исследовательского университета, ПГНИУ) Валерий Павлович Реутов (1939–2017) долго и плодотворно занимался этой темой, посвятил ей свою докторскую диссертацию², развивал альтернативные мейнстриму идеи, хорошо верифицируемые на эмпирическом материале.

Когда В. П. Реутов начинал свою научно-педагогическую карьеру, кафедрой теории и истории государства и права в ПГУ руководил выдающийся ученый, впоследствии доктор юридических наук А. А. Ушаков. Его занимали проблемы юридической техники, он много сделал для ее институционализации в качестве теоретической и прикладной дисциплины юриспруденции – широко известна его книга «Очерки советской законодательной стилистики»³. Одной из целей научной активности А. А. Ушакова, к которой он неуклонно продвигался год от года, было построение «идеального» законодательного кодекса, объединяющего все отрасли и институты права и основанного на системе права. Последняя есть «объективная категория, не зависящая ни от воли законодателя, ибо сама воля законодателя объективно обусловлена, ни от каких-либо других субъективных факторов... это закономерность, лежащая в основе всего правового строя, и задача науки именно в том и состоит, чтобы открыть ее и поставить на службу обществу»⁴. Еще будучи доцентом, А. А. Ушаков отвергает предмет правового регулирования как надежный критерий деления права на отрасли и ратует за «методный» подход в сочетании с исторически обусловленным «способом государственного регулирования общественных отношений»⁵. Принципы построения системы права должны быть таковы, что их применение даст результаты, подобные расположению элементов в таблице Менделеева. Одно и то же свойство, присущее в критерии, в соответствующем модусе должно указывать на структурный элемент в праве. Например, отрасли права, по мнению А. А. Ушакова, обра-

² Реутов В. П. Структурирование правовой системы как выражение ее функциональных возможностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

³ Переиздана в сборнике: Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008.

⁴ Ушаков А. А. К вопросу о системе советского права // Ученые записки. Т. XVI, кн. 4, ч. 1 (Юридические науки) / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1959. С. 48.

⁵ Там же. С. 63.

зуются конституционным, дисциплинарным, административным, уголовным, гражданским и международным правовыми методами регулирования⁶.

Как видится, В. П. Реутов разделял пафос своего старшего коллеги о систематике права как о центральной, «сердцевинной» составляющей юриспруденции. Но ни «предметный», ни «методный», ни «предметно-методный» подходы не решали тех задач, которые были средоточием его размышлений. А именно: а) каковы объективные и субъективные факторы, порождающие структуру права; б) каково соотношение системы права и системы законодательства; в) чем обусловлено деление права на частное и публичное; г) какова динамика отраслевой дифференциации; д) чем все-таки обусловлена такая широкая популярность «предметно-методной» парадигмы, несмотря на ее очевидные недостатки; е) как образуются «комплексные» отрасли и межотраслевые институты в праве; ж) как работают такие разновидности диспозитивного метода, как общедозволительный и разрешительный типы правового регулирования.

Закрепленное в научной традиции «вертикальное» деление системы норм права было подвергнуто В. П. Реутовым основательной критике. Обзор истории развития национального права и сравнение его с иными правовыми системами показывают: в структуре права разных государств в разные эпохи гораздо больше различий, чем сходств. Так, римское право базировалось на различении публичного и частного, разделяя, в свою очередь, каждую подсистему на части, связанные с правом народов и цивильным (киритским) правом. Для средневекового европейского права, а также ряда правовых систем, связанных с церковными и церковно-государственными учреждениями, существенным было деление права на светское и различные виды того, что мы могли бы назвать каноническим. Правовые системы, восходившие к иным историческим источникам, нежели романо-германская традиция, не восприняли публично-частные начала права как что-то системообразующее, да и отраслевое деление не играло в них сколько-нибудь существенной роли. Дуализм частного права, выразившийся в упорядочении торговых сделок (обособлении торговых кодексов), также был явлением вроде бы исторически закономерным, выросшим из экономического базиса раннего капиталистического уклада, однако присутствовал далеко не везде. Например, Свод законов Российской империи 1857 года, содержавший только нормы действующего позитивного права, имел строение, нацеленное

⁶ Ушаков А. А. К вопросу о системе советского права. С. 60.

единственno на экономный поиск нормативных предписаний. В одном и том же томе (разделе) были собраны законоположения о почте и телеграфе и сельском хозяйстве (XII том) или о вероисповеданиях и торговле (XI том), и это в акте, который считается кодифицированным.

Отдельные отрасли и институты возникают и отмирают, и единственный принцип, который направляет этот процесс, – некие «исторические условия», генерирующие то один, то другой «предмет правового регулирования». Если Российская империя не могла обойтись без «полицейского права», то социалистическая республика – без «колхозного» и «хозяйственного». Возможно ли обнаружить объективный принцип, который детерминировал бы правовую структуру всеобщим и необходимым образом? Оказывается, этот принцип уже давно известен, однако его научная рефлексия не проведена должным образом. На наш взгляд, наиболее последовательно и корректно это было проделано как раз В. П. Реутовым.

Если означенный принцип является объективно всеобщим, то он должен пронизывать всю систему права, начиная с его, так сказать, «молекулы», которую метафорически именуют «элементарной клеткой» права. Еще С. С. Алексеев доказывал, что полная логическая структура правовой нормы должна иметь гипотезу, диспозицию и санкцию. Конечно, отдельные нормативные предписания, содержащиеся в правовых текстах (несущественно даже, имеют они письменную или устную форму закрепления), могут содержать и два элемента, относясь к разным логическим нормам, вообще не иметь форму законченного высказывания. Однако если мы имеем дело с высказыванием, регулирующим волевым образом обусловленное поведение человеческого существа, то оно должно содержать указание на образ действия (или дозволять, или обязывать, или запрещать) и, чтобы быть общим правилом, еще и условие, при котором этот образ действия реализуется, то есть диспозицию и гипотезу. При этом правовая норма, в отличие от моральной или этикетной, существенно связана с возможными последствиями ее реализации и так или иначе включает в себя указание на санкцию. Любое правило поведения, имеющее юридическое содержание, представляет собой синкретическое единство как минимум двух предписаний, одно из которых устанавливает правило, а другое – запрещает его нарушать.

Отмечая последнее обстоятельство, Н. М. Коркунов делил нормы на властные веления двух видов: одни состоят из гипотез и диспозиций, другие – из диспозиций и санкций. «Гипотеза и диспозиции, – писал Коркунов, –

суть необходимые элементы каждой юридической нормы, следовательно и законов уголовных, определяющих наказуемость преступных деяний. <...> ... В современном законодательстве обыкновенно нет особых постановлений, устанавливающих запрещение преступных деяний. О запрещенности деяния заключают лишь из его наказуемости. Поэтому первая часть уголовного закона, кроме определения условий применения наказания, указанного во второй части, содержит в себе еще, так сказать, и диспозицию другой нормы – нормы, устанавливающей запрещение преступного деяния. Вот почему криминалисты называют обыкновенно первую часть уголовного закона диспозицией. Что касается второй части уголовных законов, то ее обыкновенно называют санкцией⁷. О том же самом, но в другом контексте говорил в своем «Руководстве к познанию законов» и М. М. Сперанский: «Все законы, как естественные, так и общежительные, как внутренние, так и внешние, или устанавливают правило, или охраняют его. Первые суть законы запретительные или повелительные; вторые суть законы охранительные. Те и другие иногда выражаются совокупно, иногда же отдельно, и в сем последнем виде они делятся на разные разряды»⁸.

Очевидно, что и властные веления (по Н. М. Коркунову), и виды законов (по М. М. Сперанскому) специфицированы по одному и тому же принципу – функциональному. Функции права как объективное выражение его сущности действуют уже на самом низовом уровне системы – уровне правовой нормы. Неслучайно полная логическая норма создает условия для реализации в комплексе функций, которые принято именовать собственно юридическими. Они и делят всю систему права на две подсистемы – регулятивную и охранительную. Эти подсистемы существуют независимо от признания или непризнания их властями или научным сообществом и обязательно получают свою легитимацию в развитых правовых системах. Можно также констатировать эмпирическую историческую зависимость: чем более развитым с юридико-технической точки зрения является законодательство, тем более выражен, так сказать, «дистинктивно-синкетический» характер его отраслей. Архаическое догосударственное устное право, естественно, не могло иметь отраслевой дифференциации, однако в нем уже отчетливо отделяются регулятивные правила обмена товарами, женщинами, рабами и прочими благами от наказаний, как трансцендентных, так и личных и имущественных, следующих за запре-

⁷ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2023. С. 133.

⁸ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: в тип. Второго отделения собств. Е.И.В. Канцелярии, 1845. С. 25.

щенными действиями. Если в текстах законов Моисея эти разные виды предписаний располагаются хаотически, то уже Хаммурапиевы законы имеют хорошо фиксируемую структуру. Последняя, очевидно, задается логикой разворачивания собственно юридических функций права: сперва регулятивно-динамической – показывается источник внешней легитимности всего кодекса и порядок применения норм, затем регулятивные статические нормы составитель одного из самых знаменитых юридических текстов в истории сопровождает охранительными.

Функциональная дифференциация нормативной системы является двухуровневой, точнее, двунаправленной. Это обусловлено двумя группами ее функций. Первая группа, работая «изнутри» права, посредством нормативных предписаний, обеспечивает правовое регулирование поведения, задает регулированию формальную определенность. На наш взгляд, «формальная определенность» не столько формальна, сколько содержательна. Сам термин в данном случае не слишком удачен. Право является формально определенным вовсе не потому, что имеет форму, но потому, что его имманентное свойство – способность максимально четко, насколько это возможно посредством разных знаковых систем, определять границы свободы внешнего волеизъявления. Логическая структура права позволяет не только указать желательное для человеческих сообществ направление этого волеизъявления (для этого достаточно морали или этикета), но и описать его границы для максимального круга гипотетических ситуаций. Внешние формы выражения правовых норм ничем не отличаются от форм морали. Последняя может быть писаной или устной, существовать в виде обычая или кодекса, изречения влиятельного лица или договоренности между лицами или коллективными субъектами. Однако индивидуализация общего предписания и реализация правила в общественно значимом поведении не могут быть здесь оценены настолько точно, насколько это допускает правовое регулирование. Если поведение подпадает под нормативное регулирование, то при учете минимума известных обстоятельств можно точно определить его правомерность, а вот границы нравственного и безнравственного такой определенностью не отличаются, поэтому и не могут быть formalизованы и, как следствие, систематизированы. Мораль, как и право, обладает регулятивной функцией, но только статической, поскольку не обладает процессуальным механизмом приведения норм в действие. Что до охранительной функции, то нам неизвестны нравственные «системы», которые отличались бы сбалансированным процессуальным порядком реали-

зации и определенностью (ограниченностью) санкций, а сами санкции вообще имеют главным образом трансцендентный или виртуальный характер.

Итак, собственно юридические функции, или функции правового регулирования, следуют из формальной определенности права. Другое «направление» имеют функции правового воздействия. Они не вытекают напрямую из логической структуры права, но обусловлены его социальной ролью в целом. Профессор В. П. Реутов полагал социальным назначением права приведение в порядок («гармонизацию») общественных отношений. В этом его позиция была созвучна российской юридической традиции, где право есть «исторически подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага»⁹ или «разграничение интересов»¹⁰. Даже так называемая «воля господствующего класса», которую советский марксизм обнаруживал как сущностное и глубинное в любом праве, выражает классовый интерес, а стало быть, тоже вписывается в эту традицию. Так что индивидуальное и коллективное в праве всегда связываются, задавая его разделение на публичное и частное. Намерения изгнать из права какое-либо из этих начал со стороны коммунистов или либертарианцев противоречат внутренним необходимым связям в праве и потому есть пустая декларация.

Функции правового воздействия не являются имманентными системе права как органической совокупности норм. Тут активной силой, направленной на поведение человеческих личностей и коллективов, является вся правовая система в целом. В свою очередь, объект воздействия – некоторая сфера человеческой деятельности, границы коей заданы фундаментальными человеческими потребностями, такими как производство средств к существованию, обеспечение сосуществования в рамках иерархий социальных групп, справедливое управление, творческое самовыражение и трансляция знаний. В каждой из сфер имеется определенное сходство социальных регуляторов, в том числе предметов правового воздействия. Последние лежат в основе отраслевой дифференциации права. Очевидно, что на экономическую сферу воздействует гражданское и предпринимательское право, на социально-групповую – семейное, трудовое и социально-обеспечительное, на политическую – конституционное, на культурную – образовательное и авторское. Религиозный характер некоторых традиционных обществ некогда

⁹ Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 453.

¹⁰ Подробную аргументацию см.: Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 43–44.

обуславливал вторжение церковного права во все эти сферы и придавал ему интегрирующее свойство; неслучайно средневековое университетское образование подразумевало не только наличие богословского факультета, но и каноническую квалификацию у каждого оステпененного юриста¹¹. В современных светских правовых системах осталось лишь регулирование деятельности религиозных организаций как субъектов гражданского права и обеспечение религиозных свобод в рамках конституционных прав.

Таким образом, деление права на отрасли является внешним, «приходящим» по отношению к внутреннему строению права явлением. Сам предмет правового воздействия, хотя и отражает объективную социальную реальность, является субъективным способом ее познания и конструирования. Общественная сфера перерабатывается и преобразуется в научном правосознании и только в нем становится социальным фактом. Отсюда, как нам видится, и происходят возражения В. П. Реутова против дуализма системы права и системы законодательства, развиваемого многими представителями отечественной правовой науки: «Сторонникам признания параллельного сосуществования двух самостоятельных систем, отражающих содержание права, никак не удается объяснить механизм превращения отрасли законодательства в отрасль права, выявить критерии, которые могли бы свидетельствовать о появлении на базе отрасли законодательства полноценной отрасли права»¹². Объект правового регулирования (социальная связь, проявляющаяся в поведенческих актах) относится к той или иной сфере опосредованно, через познание и правотворческое правосознание субъекта, отправной точки правовой системы. Профессор отмечает: «Среди субъективных факторов, влияющих на процесс формирования отраслей права и их признание, можно назвать такие, как уровень подготовки законодателей, других лиц, принимающих участие в правотворческом процессе, уровень научной разработанности проблемы, активность конкретных носителей, их идей и взглядов»¹³.

Правосознание создает мысленный собственный образ предмета правового воздействия как совокупности однородных связей и группирует нормы по институтам и отраслям. Деление права на отрасли и институты есть не что иное, как произведение коллективного сознания, конструкция разума,

¹¹ См.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 134.

¹² Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. С. 120.

¹³ Он же. Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 104.

упорядочивающего систему права таким образом, что она становится пригодной для осмыслиения и практического употребления. Убежденность в истинности того, что гражданское право, уголовное, трудовое и административное являются отраслями, поконится на устойчивом консенсусе ученых и лиц, профессионально занятых юридической практикой. Зато дискуссия, например, о «социально-обеспечительном» праве (о том, имеет ли оно собственный предмет и метод, существует ли оно объективно как отрасль права, не будучи признанным как отрасль законодательства, является ли оно подотраслью трудового или административного права или совокупностью институтов, распределенной по другим отраслям) обречена продолжаться столько времени, сколько понадобится для достижения консенсуса при условии сохранения интереса к этому вопросу со стороны научного и профессионального юридического сообщества. Иначе придется признать, например, наличие хозяйственной, а также госуправленческой отраслей законодательства, не являющихся отраслями права, поскольку они входят в общий перечень официального классификатора правовых актов в одном ряду с семейной, финансовой, экологической и другими общепризнанными отраслями. Практическое значение такого дуализма имело бы смысл, если бы отрасль права существовала объективно и требовала бы упорядочения законодательства. Однако административное право, не будучи ни упорядоченным, ни кодифицированным, имеет статус и отрасли права, и отрасли законодательства, что порождает сомнения в практической пользе такого дуализма. Тем более что составители упомянутого классификатора исходили из приоритета удобства практического пользования, а уже во вторую очередь – из соответствия действующему законодательству¹⁴.

Стереотипы «предметно-методного» подхода к системе права блестяще высмеяны в пародийном учебном пособии «Колбасное право Российской Федерации»¹⁵. Его авторы максимальным образом использовали все клише, распространенные в серьезных научных тестах. Тот, кто имел дело с монографиями и диссертациями, нацеленными на обоснование легитимации некоей области права, будет вынужден признать полное сходство аргумента-

¹⁴ См.: Концепция системы классификации правовых актов. URL: <https://www.consultant.ru/about/nc/class/concept>.

¹⁵ Имеет широкое хождение в Интернете. Например, полнотекстовая версия (с выдуманными выходными данными) присутствует на странице URL: https://vk.com/doc29697560_621527311?hash=mceFAzUaisdXz7DYj14mIWGEpF9wNIyyLpGPPIcxzZX&dl=VNlvKA85lSaz789ev6Omdqf6ZV7zTdTPrUfE2KBF2z.

ции пародии и ее многочисленных оригиналов. Направление теоретической юриспруденции, заданное профессором В. П. Реутовым, и в настоящее время помогает избежать ложных путей, ведущих не к научной истине, а к фальсифицированным видам научного исследования. Эмпирическая верификация и логическое согласование тезисов о функциональной основе системы права действительно покоятся на закономерной связи юридических явлений, а не идеальных представлениях о ней, даже если последние уже стали общими местами, не подлежащими сомнению.

Библиографический список

- Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2023.
- Реутов В. П. Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015.
- Реутов В. П. Структурирование правовой системы как выражение ее функциональных возможностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
- Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002.
- Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Тип. Второго отд-ния собств. Е.И.В. Канцелярии, 1845.
- Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008.
- Ушаков А. А. К вопросу о системе советского права // Ученые записки. Т. XIV, кн. 4, ч. 1 (Юридические науки) / Пермский гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1959. С. 45–75.

Информация для цитирования

Круглов Д. Н. Вклад профессора Валерия Павловича Реутова в развитие учения о структуре права и современность // Ex jure. 2024. № 2. С. 37–47. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-37-47

Kruglov D. N. The Contribution of Professor Valery Pavlovich Reutov to the Development of the Teaching about the Structure of Law and Modern Science. Ex jure. 2024. № 2. Pp. 37–47. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-37-47

УДК 340.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-48-62

О правовой культуре и правовом воспитании через призму научного наследия профессора А. С. Бондарева

С. И. Куракина

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kursi@inbox.ru

Т. Е. Логинова

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: femida@psu.ru

Аннотация: проблема повышения уровня правовой культуры российского общества приобретает особое значение с учетом сегодняшнего политического вектора формирования государственной идеологии и национально-культурного возрождения России. Современные радикальные трансформации всех сфер общественной и государственной жизни обуславливают изменения правового мышления и правового поведения – соответственно, требуют правового реагирования такие классические способы формирования правовой культуры, как правовое воспитание, правовое обучение, правовая

© Куракина С. И., Логинова Т. Е., 2024



пропаганда. В статье исследуется состояние современной правовой культуры российского общества, учитывая ее исторический контекст; анализируется ее становление, содержание и структура; определяются ее формы, средства и методы формирования. Авторами дается обзор существующих точек зрения на феномен правовой культуры, на определение форм правового воспитания, выявляются проблемы развития правовой культуры современного российского общества. Все затронутые в статье вопросы анализируются в фокусе научных исследований профессора кафедры теории и истории государства и права Александра Семеновича Бондарева¹.

Ключевые слова: право; правовое государство; правовая культура; правосознание; правовое воспитание; правовая пропаганда; правовое обучение

About Legal Culture and Legal Education through the Prism of the Scientific Heritage of Professor A. S. Bondarev

S. I. Kurakina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kursi@inbox.ru

T. E. Loginova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: femida@psu.ru

Abstract: the problem of raising the level of legal culture of Russian society is of particular importance, taking into account the current political vector of the formation of state ideology and the national and cultural revival of Russia. Modern radical transformations of all spheres of public and state life cause changes in legal thinking and legal behavior – accordingly, such

¹ Александр Семенович Бондарев (1931–2017) – кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

classical ways of forming legal culture as: legal education, legal education, legal propaganda require legal response. The article examines the state of the modern legal culture of Russian society, taking into account its historical context. The analysis of the formation of the legal culture of society, its content and structure is carried out, the concept of the form of legal education is revealed, the ways, forms and methods of its formation are determined. Various positions on the phenomenon of legal culture, definitions of forms of legal education are investigated, problems of the development of legal culture are revealed.

Keywords: law; the rule of law; legal culture; legal awareness; legal education; legal propaganda; legal education

Б российской науке на сегодняшний день не сложилось «единого образа» правовой культуры, несмотря на имеющееся множество ее определений – более двухсот пятидесяти, по мнению Е. А. Певцовой².

Еще в начале XX века русский правовед и философ Богдан Кистяковский (1868–1920) усматривал «нормальное, цивилизованное развитие общества» в достижении «живого и активного правосознания народа, устойчивости гражданского правопорядка, высокого и независимого положения суда в обществе». В своих трудах он указывал на то обстоятельство, что «право... является частью культурного творчества людей и тесно связано с другими его проявлениями»³.

У видного отечественного мыслителя Ивана Ильина (1883–1954) сложилось свое представление о правовой культуре. Размышляя в своих работах о правосознании личности как главенствующем элементе правовой культуры, И. Ильин указывает, что «правовая культура, справедливый закон, правопорядок – важнейшие факторы, способствующие реализации достоинства личности. Вместе с тем должный уровень правовой культуры не только облагораживает личность, но и способствует ей осознать свое достоинство – истинную социальную ценность и значимость»⁴.

Стоит отметить, что само сущностное исследование феномена правовой культуры в отечественной науке началось относительно недавно – в 60–70-е годы XX века. А. С. Бондарев указывает в обозначенное время на

² Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 73.

³ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашникова, 1916. С. 259–260.

⁴ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсикова. М.: Зерцало, 2003. С. 302.

Л. С. Галесника как первого ученого, который назвал правовую культуру необходимым элементом демократизации правовой жизни страны⁵. В дальнейшем научные изыскания в этой области получили весомое развитие в трудах многих ученых-правоведов, но вместе с этим выявились большое разнообразие мнений в понимании как культуры вообще, так и правовой культуры в частности.

В Большой российской энциклопедии (редактор С. Л. Кравец) термин «культура» трактуется «как исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации»⁶. Данное описательное понятие культуры используется в разных науках. Однако Александр Семенович Бондарев в своей монографии «Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян» разграничивает два этапа исследования культуры. Первый этап связан с философским подходом, определяющим культуру как совокупность материальных и духовных ценностей, которые являются результатом общественно-исторической трудовой деятельности человека (к примеру, такой подход прослеживается в работах Г. Г. Карпова, А. Г. Спиркина и др.)⁷. На втором этапе к пониманию культуры как совокупности ценностей было добавлено новое значение – культуры как процесса культурной деятельности, в ходе которой вырабатываются, распределяются и потребляются культурные ценности (к примеру, такой подход предлагали В. М. Межуев, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин и др.)⁸.

Что касается правовой культуры, то, как уже было отмечено, многообразие толкований самой культуры породило научную многозначность и данного феномена.

К примеру, С. С. Алексеев определяет правовую культуру «как совокупность знаний, навыков применения, соблюдения и использования законов, а также их глубокое уважение»⁹. Н. И. Матузов и А. В. Малько к характерным

⁵ Галесник Л. С. Общеноародное право и воспитание коммунистической сознательности // Советское государство и право. 1962. № 9. С. 26–35.

⁶ Культура // Большая российская энциклопедия: науч.-образоват. портал. URL: <https://bigenc.ru/c/kultura-26efdd>.

⁷ Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян: учеб.-метод. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. С. 10.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 187.

чертам правовой культуры относят «1) достаточно высокий (приемлемый) уровень правосознания; 2) знание действующих законов страны... 3) соблюдение, исполнение или использование этих законов... 4) убеждение в необходимости, полезности, целесообразности законов и иных правовых актов, внутреннее согласие с ними»¹⁰. В. К. Бабаев, В. Н. Баранов в содержание правовой культуры включают также «сознательное выполнение требований права в жизнедеятельности человека»¹¹. По мнению В. М. Чхиквадзе, «правовая культура – это система определения правовых идей, нравственных норм и других духовных ценностей, формирующих правосознание и направляющих поведение социальных групп, коллективов и отдельных личностей в соответствии с требованиями социалистического права и законности»¹². Данное видение ученого интересно тем, что включает в понимание правовой культуры совокупность правовых и духовных ценностей, связанных с реализацией права. В. И. Каминская, определяя правовую культуру, отождествляет ее со всей правовой системой. Так, в совместном труде с профессором А. Р. Ратиновым она включает в состав правовой культуры следующие компоненты: право, правоотношения, правовые учреждения, правосознание, правовое поведение¹³. Данное представление о структуре правовой культуры поддерживается в трудах профессора М. Н. Марченко¹⁴. Наконец, заслуживает внимания точка зрения ученых Э. В. Кузнецова, В. П. Сальникова и И. В. Асеева, которые предложили «разделять понимание правовой культуры в узком и широком смыслах». Правовая культура в широком смысле слова, по их мнению, «это совокупность элементов юридической надстройки в их реальном функционировании. Правовая культура в узком смысле – явление, выражающее собой развитость социальных качеств личности (субъекта права), характеризующих ее правосознание, уровень и характер овладения или преобразования ею своей социальной сущности, социального опыта»¹⁵.

¹⁰ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. М.: Юристъ, 2004. С. 123.

¹¹ Баранов П. П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород: Нижегор. высш. шк. МВД РФ, 1993. С. 475.

¹² Чхиквадзе В. М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 51.

¹³ Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Бойков. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. С. 43.

¹⁴ Марченко М. Н. Правовая культура как социологическая категория // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2013. № 2. С. 45–61.

¹⁵ Кузнецов Э. В., Сальников В. П., Асеев И. В. Теория государства и права (определения, схемы, литература) / ред. Э. В. Кузнецова. Л.: Изд-во ВПУ ВЛКСМ МВД СССР, 1979. С. 82.

Современные подходы к определению правовой культуры также отличаются разнополярностью. В частности, профессор А. П. Окусов говорит о правовой культуре как о «совокупности знаний и навыков, умении применять их на деле, обеспечить законность»¹⁶; по мнению В. П. Сальникова, «правовая культура – это совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и практики»¹⁷; Л. А. Морозова называет правовую культуру «качественным состоянием жизни общества»¹⁸.

Александр Семенович Бондарев, обобщая многообразие научных подходов к определению правовой культуры, выводит свое видение данного феномена. Так, в монографии «Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян» он настаивает, что «правовая культура не должна характеризовать какие-либо правовые ценности, но в первую очередь должна характеризовать самих создателей этих правовых ценностей – индивидуальных и коллективных субъектов права»¹⁹. Правовая культура, как пишет профессор, «есть правовая развитость субъектов, их правовое совершенство, их вооруженность достаточными правовыми знаниями, убежденность в необходимости и большой ценности права в данной общественной жизни и непременное реальное воплощение этих правовых знаний и правовой убежденности в своей правомерной деятельности по формированию и реализации права и правовых отношениях»²⁰. Подводя итог, ученый утверждает, что многозначность понятия правовой культуры может быть обусловлена, во-первых, разными методологическими подходами к установлению ее сущности, а также сложностью и многоаспектностью данного социально-правового явления.

Переходя к вопросу о структуре правовой культуры личности, А. С. Бондарев снова отмечает дискуссионность данного вопроса и одновременно обозначает свое видение этой структуры как двусторонней, ссылаясь на двусторонний характер действующего права как совокупности объективного и субъективного. К общей части правовой культуры личности А. С. Бондарев относит три элемента. Во-первых, «*знание объективного права*», которое он

¹⁶ Баранов П. П., Окусов А. П. Аксиология юридической деятельности: учеб. пособие. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2003. С. 72.

¹⁷ Сальников В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Л.: ВПУ, 1988. С. 508.

¹⁸ Морозова Л. А. Теория государства и права: учеб. М.: Юрист, 2002. С. 370.

¹⁹ Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян... С. 10.

²⁰ Он же. Понятие правовой культуры // История государства и права. 2011. № 6. С. 13–17.

отграничиваются от правосознания, считая эти понятия абсолютно нетождественными²¹. Также ученый не соглашается с отождествлением первого элемента правовой культуры со знанием конкретных норм. В своих работах он разводит эти понятия, ссылаясь на то, что «истинное глубокое знание права невозможно без понимания его природы, исторической необходимости, сущности, основных принципов»²². Вторым структурным элементом правовой культуры А. С. Бондарев называет «позитивную правовую убежденность субъектов права»²³, характеризуя ее как имеющую сложное содержание, складывающееся из рационального, эмоционального и волевого компонентов. Наконец, третий элемент исследуемого феномена – это «социально-правовая активность субъектов права»²⁴. А. С. Бондарев отмечает, что данный элемент в отечественной теории права сравнительно недавно стал предметом научных исследований. Первые комплексные работы датируются им 60–70-ми годами прошлого столетия. При этом указывается, что отдельные авторы рассматривают данное явление не только в позитивном ключе. Ученый резюмирует по этому поводу, что социально-правовую активность субъектов права предпочтительнее анализировать как неотъемлемую часть их правовой культуры.

Далее рассмотрим правовое воспитание, которое А. С. Бондарев называет «сознательно организованным и целенаправленным формированием правовой культуры россиян», и начнем с обзора основных методов формирования правовой культуры российского общества.

Примерно в то же время, то есть в 60-е годы XX столетия, когда в отечественной юридической науке активно стал исследоваться феномен правовой культуры, появляются размышления ученых-правоведов о проблеме правового воспитания. В первую очередь делается попытка определить, по сути, новое для теории права понятие, раскрыть его содержание. Снова разворачивается дискуссия, и снова наблюдается разнополярность в понимании вопроса. К примеру, профессор И. Ф. Рябко предлагает понимать под правовым воспитанием определенное влияние на сознание и психологию воспитуемых²⁵. Однако данная позиция вполне справедливо подвергается научной критике вви-

²¹ Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 13.

²² Он же. Двухуровневая структура правовой культуры // Правовая культура. 2010. № 2. С. 54.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 56.

²⁵ Рябко И. Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе / отв. ред. М. Н. Кулажников. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1969. С. 135.

ду ее излишне широкого подхода. По мнению А. С. Бондарева, наиболее удачное определение дается в работе М. М. Галимова, предложившего понимать под правовым воспитанием «формирование правосознания воспитуемых». Вместе с тем А. С. Бондарев дополняет его, определяя правовое воспитание как «часть правовой социализации личности в пределах правового пространства общества, представляющую собой процесс правового развития человека в результате стихийных и организованных воздействий на него всей совокупности юридических факторов общественного бытия»²⁶.

Обращаясь к формам, средствам и методам правового воспитания, обозначим наиболее распространенные в отечественной науке подходы к их определению.

Прежде всего следует отметить, что в работах разных авторов прослеживается смешение форм и средств правовоспитательной работы. К примеру, И. В. Щепеткина, анализируя эколого-правовое воспитание, относит «дискуссии, круглые столы, конференции не к средствам, а к формам»²⁷. Учитывая современные реалии – внедрение цифровых технологий во все сферы общественной и государственной жизни, – некоторые ученые говорят о необходимости пополнения «классического ряда» средств и форм правового воспитания новыми, а именно самовоспитанием, когда сам индивид прилагает усилия к формированию своего правосознания, повышению интереса и активности в данной деятельности, в том числе с помощью справочно-информационных систем²⁸. Профессор С. А. Денисов перечисляет такие средства формирования правового воспитания, как «обучение, пропаганда права, самообразование, деятельность по пресечению правонарушений и привлечению к юридической ответственности»²⁹. Интересны позиции Ю. А. Дмитриева, который к обязательным формам правового воспитания относит «правовую пропаганду СМИ, произведения искусства и литературы»³⁰, и Н. М. Ефиценко, полагающей, что «существует две формы правового воспи-

²⁶ Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права... С. 7.

²⁷ Щепеткина И. В. Эколого-правовое воспитание студентов в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2012. С. 18.

²⁸ Адаева О. В. Основные формы правового воспитания в современной России: теоретические и практические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 98–100.

²⁹ Денисов С. А., Смирнов П. П. Теория государства и права: конспект автор. лекций. Тюмень: Вектор Бук, 2000. С. 7.

³⁰ Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права: учеб. для бакалавров / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. М.: Юрайт, 2013. С. 698.

тания. Это правовое образование (обучение) и пропаганда права»³¹. Ряд авторов относят к форме правового воспитания также повседневный опыт³², который нередко может быть и вовсе ошибочным и требует проверки.

В этом важном вопросе вновь обратимся к позиции А. С. Бондарева. И в первую очередь согласимся с утверждением профессора об обязательности разграничения форм и средств правовоспитательной деятельности. Здесь, по мнению А. С. Бондарева, самой удачной представляется формулировка В. П. Зенина, указывающего на то, что «формы правового воспитания есть внешние способы выражения правовоспитательной деятельности»³³. «Таких форм... юридическая практика выработала три: это правовая пропаганда, правовое обучение, организованная и контролируемая правовая практика. Средства же правового воспитания – это “каналы”, по которым форма правового воспитания оказывает свое воздействие на те или иные стороны предмета правового воспитания»³⁴.

Итак, правовая пропаганда, будучи одной из форм правового воспитания, осуществляется через многочисленные каналы правовоспитательного воздействия на правосознание и правовое поведение воспитуемых. Это и лекции, и конкурсы знатоков права, и статьи в печати на правовые темы. А. С. Бондарев настаивал, что «правовая пропаганда в правовом государстве содержательно должна покоиться на истинно научных правовых идеях, правовых теориях»³⁵.

Правовая пропаганда является в обществе одним из видов пропаганды вообще, наряду с политической, нравственной, экономической и др. Сам термин «пропаганда» происходит от латинского “*propagare*”, что означает «распространять».

За свою длительную историю пропаганда выработала богатый арсенал средств и методов деятельности. И правовая пропаганда не исключение: современные ее средства тоже весьма разнообразны. По способам распространения правовых знаний и формированию правовых убеждений у воспитуемых эти средства можно разделить на три вида: устные, печатные, виртуальные.

³¹ Ефиценко Н. М. Сущность правового воспитания и мероприятия по повышению его эффективности в современном российском обществе // Юридическая мысль. 2013. № 3. С. 32–33.

³² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега Л, 2013. С. 503–505.

³³ Правовое воспитание и социальная активность населения / Н. И. Козюбра, В. П. Зенин, В. А. Чехович и др.; отв. ред. Б. М. Бабий. Киев: Наукова думка, 1979. С. 210.

³⁴ Бондарев А. С. Правовая пропаганда и обучение – формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. Вып. 1. С. 4.

³⁵ Там же. С. 6.

Интересно, что проводимые периодически социологические опросы убедительно констатируют значительное влияние и преимущество именно устных средств пропаганды. Ведь, например, «живая» лекция предполагает возможность использования лектором дополнительных средств воздействия на воспитуемых, и в первую очередь средств эмоционального воздействия: мимики, жестов, темпа речи, даже интонации. Особенно очевидно это стало после пандемии, во время которой устная правовая пропаганда была ограничена³⁶. Вместе с тем исключать потенциал письменных и тем более дистанционных средств правовой пропаганды в нынешнее время было бы неправильным. Как справедливо отмечалось А. С. Бондаревым, письменные материалы правовой пропаганды могут быть в постоянной доступности, воспитуемый может периодически обращаться к ним. К тому же не стоит забывать, что к письменным средствам правовой пропаганды относятся и нормативные правовые акты, и комментарии ученых-юристов, и различные статьи по теме права в СМИ.

Что касается виртуальных средств правовой пропаганды, то они, безусловно, приобретают всё большее и большее значение, которое постепенно становится определяющим. С появлением персональных компьютеров стало возможно накапливать, хранить и передавать любую информацию в электронной форме. Правовая информация распространяется чаще всего в виде банков правовых знаний, которые содержат не только материалы, но и поисковый аппарат к ним. Таковы, к примеру, справочно-информационные платформы «КонсультантПлюс», «Гарант» и др., содержащие правовые акты Российской Федерации, основные региональные правовые акты, комментарии к этим правовым актам, материалы судебной практики.

Правовое обучение ключевым образом отличается от правовой пропаганды. Лишь здесь и воспитуемый, и воспитатель взаимодействуют в рамках правовоспитательного процесса, предполагающего организацию учебного труда и учение как усвоение содержания образования. Не будет преувеличением сказать, что такая форма правовоспитательной работы, как правовое обучение, является основной и обязательной, поскольку именно на ней основываются другие формы. Минимальный объем правового обучения человек получает в рамках освоения некоторых дисциплин в процессе общего образования.

³⁶ Степанов Ю., Орлов А. Учеба на расстоянии: просвещение или мучение? // ВСГУТУ-online. 2021. 1 марта. URL: <https://vsgutu-online.ru/mneniya/uchyoba-na-rasstoyanii-prosveshhenie-ili-muchenie.html>.

Правовое обучение можно определить как логически выверенный процесс, который предполагает непосредственную передачу, накопление и усвоение знаний, принципов, норм права, а также формирование соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умения использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности через разнообразные теоретические и практические занятия и юридическую практику.

А. С. Бондарев выделял два вида средств правового обучения по силе их воздействия и получаемым результатам у воспитуемых: специализированные и неспециализированные. К первым он относил все правообразовательные учреждения: правовые академии, юридические факультеты и вузы, правовые колледжи, гимназии. К неспециализированным средствам правового обучения им были отнесены все остальные учебные заведения, в которых наряду с другими видами обучения определенное количество часов отводится и правовому.

В качестве ведущих форм учебно-воспитательной деятельности в высшей школе права профессором в первую очередь назывались лекция и семинар. В своей монографии «Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян» он определяет лекцию как «живое творчество на глазах аудитории, живое общение правоведа высокой квалификации с воспитуемыми»³⁷, подытоживая, что «живого лектора» не может заменить никакое печатное слово, а потому сокращение лекционных курсов по праву и свободное посещение их нецелесообразно.

И наконец, отдельное место в системе современных форм развития правовой культуры А. С. Бондарев отводит юридической практике. Если точнее, он обозначает эту форму как «включение воспитуемых в организованную и контролируемую правовую практику»³⁸. Со ссылкой на профессора В. П. Реутова ученый определяет «юридическую практику как деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации его норм, заключающуюся в издании нормативных актов и совершении различных индивидуальных правовых актов» и утверждает, что «не может быть признана юридической практикой деятельность людей, сознательно нарушающих правовые нормы», что «цель юридической практики должна быть законной» и «она не достигается дозволенными правовыми средствами»³⁹. Рассуждая о значении включения воспи-

³⁷ Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян... С. 147.

³⁸ Он же. Правовая культура – фактор жизни права: моногр. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 107.

³⁹ Реутов В. П. О понятии юридической практики // Государство, право, законность. Пермь, 1974. Вып. 5. С. 86–87. (Учен. зап. Перм. ун-та; № 300).

туемого в организованную и контролируемую практику, А. С. Бондарев в первую очередь опирается на ключевой принцип современной педагогической науки: «Лучше один раз выполнить действие самому, чем сто раз увидеть, как оно выполняется другими»⁴⁰. Действительно, на практике студенту вуза предлагаются использовать полученные через средства правовой пропаганды и правового обучения знания для руководства собственной правовой деятельностью. Именно на практике воспитуемый впервые самостоятельно руководит своим поведением в соответствии с предоставленными ему нормами права, субъективными правами и обязанностями, формирует положительную правовую установку и привычку правомерной жизни.

В заключение изложим наиболее важные научные выводы, к которым мы пришли, изучая научное наследие профессора кафедры теории и истории государства и права Александра Семеновича Бондарева.

Во-первых, правовая культура, как пишет А. С. Бондарев, «есть правовая развитость субъектов, их правовое совершенство, их вооруженность достаточными правовыми знаниями, убежденность в необходимости и большой ценности права в данной общественной жизни и непременное реальное воплощение этих правовых знаний и правовой убежденности в своей правомерной деятельности по формированию и реализации права и правовых отношений»⁴¹. Во-вторых, называя вопрос о структуре правовой культуры личности дискуссионным, сам А. С. Бондарев определяет эту структуру как двустороннюю, ссылаясь на двусторонность действующего права как совокупности объективного и субъективного. В-третьих, размышляя о формах и средствах правовоспитательной деятельности, профессор говорит о необходимости их разграничения. К формам он относит правовое обучение, правовую пропаганду и юридическую практику, тогда как средства определяет как «каналы», по которым форма правового воспитания воздействует на те или иные стороны предмета правового воспитания. Рассуждая о ключевых формах воспитания правовой культуры россиян, А. С. Бондарев вполне справедливо отдает пальму первенства правовому обучению, подчеркивая, что «живого лектора» и его благотворное влияние на эмоционально-чувственную сферу воспитуемого ничто не может заменить. Вместе с тем профессионально дальновидно ученый указывает на стремительно растущую значимость и перспективность виртуальных средств правовой пропаганды и правового обучения.

⁴⁰ Беспалько В. П., Татур Ю. Г. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1989. С. 66–67.

⁴¹ Бондарев А. С. Понятие правовой культуры. С. 13–17.

Библиографический список

Адаева О. В. Основные формы правового воспитания в современной России: теоретические и практические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 98–100.

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966.

Баранов П. П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород: Нижегор. высш. шк. МВД РФ, 1993. С. 475–494.

Баранов П. П., Окусов А. П. Аксиология юридической деятельности: учеб. пособие. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2003.

Беспалько В. П., Татур Ю. Г. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1989.

Бондарев А. С. Двухуровневая структура правовой культуры // Правовая культура. 2010. № 2. С. 49–62.

Бондарев А. С. Понятие правовой культуры // История государства и права. 2011. № 6. С. 13–17.

Бондарев А. С. Правовая пропаганда и обучение – формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. Вып. 1. С. 4–16.

Бондарев А. С. Правовая культура – фактор жизни права: моногр. М.: Юрлитинформ, 2012.

Бондарев А. С. Правосознание – неотъемлемая и ведущая часть правовой культуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 1. С. 6–15.

Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян: учеб.-метод. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009.

Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права / отв. ред. И. Ю. Козлихин. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008.

Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. М.: Омега-Л, 2013.

Галесник Л. С. Общеноародное право и воспитание коммунистической сознательности // Советское государство и право. 1962. № 9. С. 26–35.

Денисов С. А., Смирнов П. П. Теория государства и права: конспект автор. лекций. Тюмень: Вектор Бук, 2000.

Ефиценко Н. М. Сущность правового воспитания и мероприятия по повышению его эффективности в современном российском обществе // Юридическая мысль. 2013. № 3. С. 28–37.

Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2003.

Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Бойков. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. С. 39–67.

Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашникова, 1916.

Кузнецов Э. В., Сальников В. П., Асеев И. В. Теория государства и права (определения, схемы, литература) / ред. Э. В. Кузнецов. Л.: Изд-во ВПУ ВЛКСМ МВД СССР, 1979.

Марченко М. Н. Правовая культура как социологическая категория // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2013. № 2. С. 45–61.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. для вузов. М.: Юристъ, 2004.

Морозова Л. А. Теория государства и права: учеб. М.: Юрист, 2002.

Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 70–81.

Правовое воспитание и социальная активность населения / Н. И. Коюбра, В. П. Зенин, В. А. Чехович и др.; отв. ред. Б. М. Бабий. Киев: Наукова думка, 1979.

Реутов В. П. О понятии юридической практики // Государство, право, законность. Пермь, 1974. Вып. 5. С. 79–93. (Учен. зап. Перм. ун-та; № 300).

Рябко И. Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе / отв. ред. М. Н. Кулажников. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1969.

Сальников В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Л.: ВПУ, 1988.

Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права: учеб. для бакалавров / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. М.: Юрайт, 2013.

Степанов Ю., Орлов А. Учеба на расстоянии: просвещение или мучение? // ВСГУТУ-online. 2021. 1 марта. URL: <https://vsgutu-online.ru/mneniya/uchyoba-na-rasstoyanii-prosveshhenie- ili-muchenie.html>.

Чхиквадзе В. М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 42–53.

Щепеткина И. В. Эколого-правовое воспитание студентов в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2012.

Информация для цитирования

Куракина С. И., Логинова Т. Е. О правовой культуре и правовом воспитании через призму научного наследия профессора А. С. Бондарева // Ex jure. 2024. № 2. С. 48–62. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-48-62

Kurakina S. I., Loginova T. E. About Legal Culture and Legal Education Through the Prism of the Scientific Heritage of Professor A. S. Bondarev. Ex jure. 2024. № 2. Pp. 48–62. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-48-62

УДК 340.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-63-77

Размытие понятия «юридическая конструкция» в российской теории права

А. Г. Матвеев

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
государства и права,
профессор кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: la-musica@yandex.ru

Аннотация: термин «юридическая конструкция» является широко распространенным в российской юридической науке. Однако обозначаемое им понятие сегодня характеризуется высокой степенью неопределенности. Один из основных подходов к пониманию юридических конструкций – учение профессора А. Ф. Черданцева. Он относил юридические конструкции к числу идеальных моделей. Однако эта точка зрения была размыта последующими ошибочными направлениями юридической мысли. Во-первых, профессор С. С. Алексеев ввел в науку субстанциалистский подход, суть которого состоит в том, что юридические конструкции относятся не только к сфере концептуализации правового материала, но и к реальности объективного права. Во-вторых, ряд ученых удваивают сущности и говорят о модели юридической конструкции или о юридической конструкции той или иной модели. В-третьих, сегодня многие ученые обозначают термином «юридическая конструкция», по сути, любые юридические понятия и явления. По мнению автора, юридическая конструкция – это наивысший и логически наиболее сложный прием

© Матвеев А. Г., 2024



формально-догматического исследования права, представляющий собой абстрактную идеальную модель. Эта модель отражает, конституирует или интерпретирует взаимосвязь юридических явлений и/или их элементов либо определяет место этих явлений в правовой системе.

Ключевые слова: юридическая конструкция; модель; формально-догматическая юриспруденция; правоотношение; обобщение; классификация

Erosion of the Concept of “Legal Construction” in the Russian Legal Theory

A. G. Matveev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: la-musica@yandex.ru

Abstract: the term “legal construction” is widespread in the Russian legal science. However, the concept denoted by this term today is characterized by a high degree of uncertainty. One of the main approaches to understanding legal constructions is the teaching by Professor A. F. Cherdantsev. He believed that legal constructions are a type of ideal models. However, this point of view has been blurred by the following erroneous trends of the legal thought. Firstly, Professor S. S. Alekseev introduced the substantivist approach. Its essence is that legal constructions relate not only to the sphere of conceptualization of legal material, but also to the reality of law. Secondly, a number of scientists double the essences and talk about the model of legal construction or the legal construction of a particular model. Thirdly, today many scientists use the term “legal construction” to mean, in fact, any legal concepts and phenomena. We believe that legal construction is the highest and logically most complex method of formal dogmatic research of law, representing an abstract ideal model. This model reflects, constitutes or interprets the relationship of legal phenomena and/or their elements or determines the place of these phenomena in the legal system.

Keywords: legal construction; model; formal dogmatic jurisprudence; legal relationship; generalization; classification

Изучение российской научной литературы, посвященной проблеме юридических конструкций, вызывает двойственное впечатление. С одной стороны, бесчисленное количество публикаций о юридических конструкциях и уверенность, с которой их авторы оперируют этим понятием, дают основание говорить, что выражение «юридическая конструкция» принимается как общеизвестный термин, а содержание обозначаемого им понятия очевидно и не требует специальных разъяснений. С другой стороны, практически никакой конвенциональности в использовании термина «юридическая конструкция» и тем более определенности в содержании обозначаемого им понятия сегодня не наблюдается. В. П. Реутов точно заметил, что «вероятно, этим термином зачастую обозначаются разные, пусть и связанные между собой, явления»¹.

Одним из негативных аспектов современных исследований, посвященных юридическим конструкциям, видится излишнее цитирование и реферирование литературы по данной проблематике, которое зачастую подменяет собой собственно научный поиск и обоснование выводов. Так, в своей докторской диссертации С. Н. Болдырев на тридцати пяти страницах проводит обзор имеющихся точек зрения и, не предлагая аргументов в пользу отстаиваемой им позиции и не критикуя другие подходы, в качестве одного из выносимых на защиту положений выдвигает тезис, согласно которому юридическая конструкция «представляет собой средство юридической техники, которое образует типизированную идеальную, совершенную модель, шаблон, стандарт, типовую схему или типовой образец, отражающий сложное структурное построение урегулированных правом своеобразных разновидностей правоотношений (юридических фактов, их элементов и т.д.)»². Вряд ли в данном случае можно говорить о какой-то концептуальной новизне, если сравнить это определение со сформулированной в 1972 году концепцией А. Ф. Черданцева, согласно которой юридическая конструкция «представляет собой идеальную модель, отражающую сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов... Как идеальная модель она служит формой отражения действительности»³. Это определение можно признать основой для современной

¹ Реутов В. П. О функциях и структуре юридических конструкций // Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 144.

² Болдырев С. Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2014. С. 14.

³ Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1972. № 3. С. 12.

теоретико-правовой мысли о природе юридических конструкций. Например, в учебнике «Юридическая техника» М. Л. Давыдова формулирует следующую дефиницию: «Юридическая конструкция – это разработанная доктриной и принятая юридическим научным сообществом идеальная модель, позволяющая теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов различных правовых явлений»⁴.

В свою очередь, подход А. Ф. Черданцева методологически основан на учении Н. М. Коркунова, что убедительно показывает Д. Е. Пономарев: «Этим объясняется то, что автор раскрывает понятие юридической конструкции, фактически воспроизводя аргументы, изначально выдвинутые в пользу превращения правоведения в классическую науку, но уже не вступая в методологическую полемику с конкурирующей догматикой (как это делал Н. М. Коркунов, возражая Р. Йерингу), а констатируя это положение как естественное, единственно возможное»⁵. Как известно, Н. М. Коркунов выделял следующие приемы научного изучения права: анализ, конструкцию, классификацию: «Все эти приемы: анализ, конструкция и классификация – суть общие приемы научного исследования, отнюдь не составляющие исключительной принадлежности только науки права»⁶. Под юридической конструкцией Н. М. Коркунов понимал общий прием научного обобщения, «приноровленное для целей юридического исследования идеальное построение»⁷.

Обратим внимание на то, что в современной теории права понимание юридической конструкции как идеальной модели распадается на несколько подходов. Чтобы не превращать эту статью в очередной обзор точек зрения, воспользуемся обобщением Д. Е. Пономарева и согласимся с ним в том, что «в современном отечественном правоведении сложилась ситуация множественности пониманий такого объекта. В первом приближении эта множественность может быть дифференцирована следующим образом: инструменталистское понимание, гносеологическое понимание, юридико-техническое

⁴ Юридическая техника: учеб. / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 290.

⁵ Пономарев Д. Е. Юридическое конструирование и методологическая идентичность правоведения: связь проблематики в пространстве юридической мысли // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 127.

⁶ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., автор вступ. ст., comment. А. Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 444.

⁷ Там же. С. 447, 449.

понимание, методологическое понимание, субстанциалистское понимание»⁸. Важно подчеркнуть, что общим знаменателем для первых четырех подходов является то, что юридические конструкции относятся к реальности знаний о праве как изучаемом объекте, а не к реальности самого объективного права. Примечательно также то, что в своем обзоре точек зрения А. Ф. Черданцев в 1972 году не называл еще субстанциалистского подхода: «Термин “юридическая конструкция” нередко встречается в нашей литературе, но применяется он далеко не однозначно. Одни авторы отождествляют юридическую конструкцию с логической дедукцией, другие – с грамматической конструкцией, с определением понятий, третьи – с теоретическими положениями, четвертые – со способом регулирования общественных отношений и т.п.»⁹

Именно с признанием и широким цитированием субстанциалистского, или онтологического, подхода, на мой взгляд, следует прежде всего связывать размывание понятия «юридическая конструкция» в современной российской юриспруденции. Суть этого подхода состоит в том, что юридические конструкции принадлежат не только к сфере приемов концептуализации правового материала, юридической техники и юридической науки, но и к реальности объективного права. Представляется, что не совсем удачную попытку объединить эти принципиально разные подходы предпринял С. Н. Болдырев: «Юридическая конструкция представляет собой такое средство юридической техники, посредством которого осуществляется упорядочивание нормативного массива. Юридические конструкции – это объективное явление правовой действительности и определяются структурными особенностями правовых норм»¹⁰.

Самым известным сторонником субстанциалистской точки зрения на юридические конструкции является профессор С. С. Алексеев – один из авторитетнейших представителей советской и постсоветской юридической науки. В своей работе «Восхождение к праву» С. С. Алексеев предпринял попытку придать юридическим конструкциям статус субстанциальных единиц права. Например, он утверждает, что «более подробный анализ показывает, что есть еще один, с содержательной стороны главный, наиболее развитой, можно сказать совершенный, слой правовой материи, о котором ранее уже не раз упоминалось. Этот слой представляет собой нечто более высокое и значи-

⁸ Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 20.

⁹ Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике. С. 12.

¹⁰ Болдырев С. Н. Указ. соч. С. 144.

мое, чем просто связи между “молекулами” правовой материи, – юридические конструкции, которые образуют основное содержание “тела” более или менее юридически развитой системы права»¹¹.

Объясняя исходные пункты своих рассуждений, ученый исходит из двойственной природы юридических конструкций. С одной стороны, последние представляют собой такой уровень правовой материи, когда соответствующие структуры сами по себе обладают качеством правовой нормативности, притом нормативности высокого порядка: «Именно юридические конструкции образуют центральное звено (основу, стержень) материи права, достигшей необходимого (для реализации своих функций) уровня развития, совершенства»¹². Здесь С. С. Алексеев соглашается с позицией Н. Н. Тарасова, который, разделяя точку зрения автора «Восхождения к праву», в свою очередь полагает, что следует различать нормативную юридическую конструкцию как элемент собственного содержания позитивного права и юридическую конструкцию как единицу юридического мышления: «Есть достаточные основания считать, – пишет Н. Н. Тарасов, – что юридические конструкции работают в правовом регулировании независимо от их отражения теоретическим сознанием»¹³. С другой стороны, по мнению С. С. Алексеева, юридические конструкции являются результатом типизации в праве¹⁴. Здесь он сохраняет преемственность по отношению к своим работам 1960–70-х годов, где юридические конструкции рассматривались как одно из средств юридической техники, как *специфическое построение нормативного материала*, соответствующее определенному типу или виду сложившихся правоотношений, юридических фактов, их связи между собой¹⁵.

Заметим, что аргументация субстанциалистского подхода осуществляется С. С. Алексеевым преимущественно при помощи ряда метафор, привлекаемых в общую теорию права. Так, он отмечает: «Отсюда следует, что юридические конструкции с позиций современной науки предстают в качестве такого “сгустка” или “концентрата” юридической материи, который олицетворяет ее важнейшие, наиболее значимые черты и особенности, в том числе

¹¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 6. С. 199.

¹² Там же. С. 233.

¹³ Тарасов Н. Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 21.

¹⁴ Алексеев С. С. Восхождение к праву... С. 229.

¹⁵ Он же. Проблемы теории права: курс лекций // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 3. С. 531.

те, которые выражают математически строгие соотношения в праве (“математику в праве в самом точном значении”), а также особенности права как явления Разума»¹⁶. Ученый оперирует таким значимым для его концепции понятием, как правовая материя. Последняя понимается как весь спектр юридического инструментария¹⁷, как совокупность всех правовых средств¹⁸. Представляется, что такое движение в сторону от аналитической юриспруденции при нахождении мыслителя в рамках эготистского правопонимания, стирание границ между действительностью (правом) и концепцией этой действительности (в том числе юридическими конструкциями), растворение последних в едином концепте юридической материи и юридических средств не привносят в общую теорию права логичности, достоверности, объективности и последовательности.

Говоря о роли метафор в юридической науке, мы разделяем точку зрения А. Ф. Черданцева, который полагает, что метафорические выражения (а к ним он относит и правовую материю) не очень желательны в юридической науке, поскольку с помощью метафор не достигаются точность и адекватность научной мысли и поскольку принятие метафоры за истину ведет к научному заблуждению¹⁹. В. М. Баранов и Н. А. Власенко обоснованно утверждают, что увлеченность юридическими метафорами нередко снижает качество доктринальных исследований: «В науке права также можно встретить удачные и не вполне удачные метафоры. Однако когда метафорическое выражение начинают характеризовать как понятие, да еще базовое в юриспруденции, получается, мягко скажем, не только не убедительно, но и где-то комично»²⁰.

Еще одним аспектом размывания понятия «юридическая конструкция» стало излишнее одновременное использование терминов «конструкция» и «модель». Слово «модель» происходит от латинского “modulus” (мера, образ, способ). В науке этот термин стал использоваться в двух совершенно разных значениях: 1) модель как теория; 2) модель как объект-заместитель изучаемого объекта. В первом смысле под моделью можно понимать интерпрета-

¹⁶ Алексеев С. С. Восхождение к праву... С. 241.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. С. 290.

²⁰ Баранов В. М., Власенко Н. А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 14.

цию одной математической теории с помощью другой²¹. В свою очередь, модель как объект-заместитель – это либо образ изучаемого объекта, либо какой-то другой материальный объект, сходный с изучаемым объектом некоторыми свойствами.

Если юридическая конструкция – это идеальная модель, то обоснованно ли говорить о модели той или иной юридической конструкции или о конструкции той или иной модели, как это нередко делается в научных публикациях? Так, Н. В. Кулешова исследует развитие юридической конструкции российской модели местного самоуправления²², а В. Н. Иванова – роль модели юридической конструкции налога²³. При этом В. Н. Иванова сначала верно под юридической конструкцией налога понимает определенную модель²⁴, однако далее она говорит уже об элементах юридической модели конструкции налога²⁵. То есть в данном случае, на мой взгляд, происходит не совсем оправданное удвоение сущностей: конструкция налога – это его идеальная структурированная модель, а модель конструкции – это модель такой модели.

Понятия юридической конструкции и модели довольно точно соотнес С. Ю. Морозов: «Только ту правовую модель, которая не изменяется в течение достаточно продолжительного времени (десятилетий, столетий), можно считать юридической конструкцией, которая представляет каркас, скелет права и его системы»²⁶. Думается, что в быстро меняющемся мире некоторые юридические конструкции как приемы обобщения, построения абстракций формируются гораздо быстрее, чем в течение десятилетий. Например, сегодня мы являемся свидетелями того, как научное сообщество разрабатывает юридические конструкции цифровых прав, криптовалют, искусственного интеллекта.

Другим проблемным аспектом в понимании юридических конструкций стала тенденция обозначать этим термином, по сути, любые юридические понятия и явления. Такой подход, по сравнению с учением Н. М. Коркунова,

²¹ Бурбаки Н. Очерки по истории математики / под ред. и с предисл. К. А. Рыбникова; пер. с фр. И. Г. Башмаковой. М.: Иностр. лит., 1963. С. 33–34.

²² Кулешова Н. В. Тенденции и перспективы развития юридической конструкции российской модели местного самоуправления в системе единой публичной власти // Правовая мысль. 2021. № 2. С. 46–51.

²³ Иванова В. Н. О роли модели юридической конструкции налога в создании методики формирования законодательства о налогах // Современное общество и право. 2011. № 2. С. 93–97.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ Там же. С. 94.

²⁶ Морозов С. Ю. Методологическая роль юридических конструкций в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 315.

представляется шагом назад. Проиллюстрируем его несколькими примерами: «Юридическая конструкция силы в полицейском законодательстве России»²⁷, «Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов»²⁸, «Правовые дефиниции как юридические конструкции»²⁹. Интерес вызывает также Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля», подготовленная в 2021 году³⁰. В этом документе верно указано, что в конституционной интерпретации востребован логический метод (силлогизмы, дедуктивные модели и т.д.) и что он предполагает обращение к понятиям, конструкциям и иным категориям юридического знания (п. 2.3.2). Однако далее к числу ординарных юридических понятий отнесены такие правовые конструкции, как механизм правового регулирования и правоотношение. Приведенные примеры позволяют утверждать, что юридические конструкции как абстракции более высокого порядка не всегда четко ограничиваются от таких юридических понятий, которые не обладают достаточным набором признаков, чтобы считаться юридическими конструкциями.

Итак, если значение термина «юридическая конструкция» в российском правоведении сегодня настолько размыто, что научная коммуникация по этому вопросу стала представлять собой проблему и на роль юридических конструкций претендуют, по сути, любые юридические явления и понятия, логично задаться вопросом: можно ли вообще отказаться от этого термина?

В сравнительно-правовом и историческом планах термин «юридическая конструкция» не является универсальным и общепризнанным, что отнюдь не означает, что учения правоведов или даже юридическое знание целых правовых систем, в которых не используется этот термин, не являются научными или являются менее научными, достоверными и полезными, чем современная юридическая наука, тонущая в юридических конструкциях всего и вся. Проиллюстрируем этот тезис рядом примеров и приведем широко известные слова К. Цвайгерта и Х. Кётца, хорошо передающие специфику юридического знания в двух ведущих правовых семьях: «Для германской и ро-

²⁷ Черников В. В. Юридическая конструкция силы в полицейском законодательстве России // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 39–48.

²⁸ Арзамасов Ю. Г. Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов // Там же. С. 107–111.

²⁹ Ватлецов С. Г. Правовые дефиниции как юридические конструкции // Там же. С. 160–163.

³⁰ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): Информация Конституционного Суда РФ: одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19 окт. 2021 г.

манской правовых семей характерно стремление к созданию абстрактных правовых норм, к охвату всей сферы права хорошо структурированной системой и, наконец, просто к разработке методов для построения юридических конструкций. <...> В английском общем праве традиция развивалась постепенно путем накопления опыта судебных решений. <...> Таким образом, наука общего права по происхождению – судебная, а континентального – схоластическая. <...> На континенте юристы мыслят абстрактно, понятиями правовых институтов, в США и Англии – конкретно, “прецедентно”, с точки зрения отношений сторон, их прав и обязанностей. <...> На континенте оперируют понятиями, которые начинают часто жить собственной жизнью, что таит в себе опасность для тех, кто их применяет. А в Англии и США всему этому предпочитают наглядные представления о предмете и т.д.»³¹ И действительно, такие авторитетные английские и американские ученые, как Г. Харт, Р. Дворкин, Р. Познер, не оперируют понятием «юридическая конструкция», что не лишает их исследования статуса высокой науки права.

Но и в рамках романо-германской правовой семьи далеко не все ученые рассматривают приемы абстракции и концептуализации в юриспруденции через призму юридических конструкций. В частности, в такой известной российскому читателю книге, как «Общая теория права» Ж.-Л. Бержеля, используется понятие «концепты», под которыми автор понимает общие и абстрактные ментальные презентации объектов. Концепты необходимы для понимания юридических феноменов и отражения их на уровне позитивного права. Они касаются лиц, предметов, фактов, актов, прав, технических процедур, институтов³². Сравним этот подход с процитированным выше определением юридической конструкции А. Ф. Черданцева. Представляется, что содержания этих понятий очень близки. Однако французский ученый идет дальше российского, так как показывает, что концепт необязательно должен быть отражением, моделью действительности позитивного права: «Юрист, занимающийся толкованием закона, иногда вынужден сам создавать концепты, предназначенные для познания и систематического анализа права; такие концепты происходят не из формальных источников права и поэтому не должны использоваться в обязательном порядке, даже если становятся

³¹ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I: Основы / пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 111.

³² Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко; пер. с фр. М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000. С. 341.

общеупотребительными»³³. Здесь, как представляется, прав В. П. Реутов, писавший, что «теоретическая конструкция, являясь итогом научных изысканий, может быть оторвана от реальности, произвольна, отражать субъективное отношение исследователя»³⁴.

Примером такого рода изначально теоретического инструмента познания, на мой взгляд, является концепт или юридическая конструкция правоотношения. Конструкция правоотношения, созданная германской юридической наукой XIX века, представляет собой инструмент познания и систематического анализа юридической действительности, под которой в данном случае понимаются положения позитивного права. Заметим, что А. Ф. Черданцев не рассматривал понятие правоотношения как юридическую конструкцию, так как в нем не отражается системно-структурное строение исследуемого явления³⁵. Правоотношение приведено здесь в качестве примера специально, так сказать, в целях обострения дискуссии. Дело в том, что это понятие хорошо иллюстрирует, насколько зачастую тесно переплетены реальность права и научное знание о праве. Вся история дискуссий о природе правоотношения в отечественной, советской и российской, юридической науке показывает, что одни ученые понимали под правоотношением само общественное отношение, урегулированное нормой права, другие – юридическую форму общественного отношения, а третьи – научную абстракцию, способ и инструмент познания и осмысления права. Глубину проникновения юридической конструкции правоотношения в право подтверждает статья 12 Гражданского кодекса РФ³⁶, устанавливающая такой способ защиты, как прекращение или изменение правоотношения. Однако признается ли такой способ защиты в правопорядках, не испытавших влияние германской юридической доктрины?

Состоявшееся в российском правоведении размывание понятия «юридическая конструкция» не означает, что в качестве радикальной реакции на это обстоятельство юридическому сообществу стоит отказаться от него. Современная юридическая наука вряд ли возможна и эффективна как без преемственности в использовании понятийно-категориального аппарата, так и без методов абстрагирования и концептуализации. В то же время здесь, как

³³ Бержель Ж.-Л. Указ. соч. С. 344–345.

³⁴ Реутов В. П. О понятии правовой (юридической) конструкции // Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 142.

³⁵ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. С. 231.

³⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (в ред. от 24.07.2023).

представляется, нужно найти золотую середину, избегая и крайнего эмпиризма, и крайнего формализма и концептуализма. Под крайним эмпиризмом понимается отрицание любых юридических абстракций и следование принципу, что правопорядок – это совокупность конкретных и уникальных случаев, которые не следует обобщать. Крайний формализм, на мой взгляд, представляет собой сведение права к такой логической конструкции, которая оторвана от действующего правового регулирования и реальной правоприменительной практики. В результате такая радикальная форма юридического сциентизма вряд ли будет пригодна для эффективного изучения, познания и совершенствования правовой системы.

В заключение попробуем определить место юридических конструкций среди приемов формально-догматического исследования и обратимся к классикам юридической науки. С точки зрения С. А. Муромцева, в догматическое исследование входят следующие процессы: 1) описание; 2) обобщение; 3) определение; 4) классификация и основанное на ней расположение юридических правил, принципов и определений в систему как высший процесс догмы³⁷. Н. М. Коркунов к приемам научной обработки права относил анализ, конструкцию и классификацию³⁸. Представляется, что это различие во взглядах не является фундаментальным. Например, Г. Ф. Шершеневич пояснял: «Научно классифицированное право дает почву для приема, который называется юридической конструкцией. Под этим именем следует понимать научный процесс, который начинается с разложения данного института на составные его элементы и затем на этом основании определяет по существенным признакам место, которое ему принадлежит в системе права»³⁹.

Еще большую ясность мы получим, вспомнив тезис Р. фон Иеринга о том, что юридические конструкции относятся к сфере высшей юриспруденции. Как известно, деятельность низшей юриспруденции ученый определял через толкование, а предметом ее считал правовые положения и принципы. Напротив, предметом высшей юриспруденции, по мнению Иеринга, являются правовые институты (логические индивидуальности или юридические тела) и понятия⁴⁰. В другой своей работе Р. фон Иеринг писал, что «противополож-

³⁷ Муромцев С. А. Что такое догма права? М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1885. С. 5–10.

³⁸ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 444.

³⁹ Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. С. 672–673.

⁴⁰ Иеринг Р. фон. Юридическая техника // Избранные труды: в 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. С. 358–359.

ность высшей и низшей юриспруденции определяется противоположностью юридического понятия и юридического правила и переходом права из низшего агрегатного состояния в высшее, переходом, совершающимся с помощью юридической конструкции, сообщающей данному сырому материалу форму понятий»⁴¹. Заметим, что в учении Р. фон Иеринга юридическая конструкция – это единственный из трех основных приемов юридической техники, относящийся к высшей юриспруденции. Два других подготовительных приема – юридический анализ и логическая концентрация – прямо не отнесены ученым к указанной сфере⁴².

Таким образом, на мой взгляд, юридическая конструкция – это наивысший и логически наиболее сложный прием формально-догматического исследования права, представляющий собой абстрактную идеальную модель, которая отражает, конституирует или интерпретирует взаимосвязь юридических явлений и/или их элементов либо определяет место данных явлений в правовой системе.

Библиографический список

Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения // Собрание сочинений: в 10 т. [+ справоч. том] / примеч. С. А. Степанова, Н. П. Зариповой. Т. 6. М.: Статут, 2010.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций // Собрание сочинений: в 10 т. [+ справоч. том] / примеч. С. А. Степанова, Н. П. Зариповой. Т. 3. М.: Статут, 2010.

Арзамасов Ю. Г. Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 107–111.

Баранов В. М., Власенко Н. А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19.

Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко; пер. с фр. М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000.

Болдырев С. Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д., 2014.

Бурбаки Н. Очерки по истории математики / под ред. и с предисл. К. А. Рыбникова; пер. с фр. И. Г. Башмаковой. М.: Иностр. лит., 1963.

⁴¹ Иеринг Р. фон. Задача современной юриспруденции. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1561>.

⁴² Он же. Юридическая техника. С. 338–357.

Ватлецов С. Г. Правовые дефиниции как юридические конструкции // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 160–163.

Иванова В. Н. О роли модели юридической конструкции налога в создании методики формирования законодательства о налогах // Современное общество и право. 2011. № 2. С. 93–97.

Иеринг Р. фон. Задача современной юриспруденции. URL: <https://world-constitutions.ru/?p=1561>.

Иеринг Р. фон. Юридическая техника // Избранные труды: в 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. С. 317–384.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Кулемшова Н. В. Тенденции и перспективы развития юридической конструкции российской модели местного самоуправления в системе единой публичной власти // Правовая мысль. 2021. № 2. С. 46–51.

Морозов С. Ю. Методологическая роль юридических конструкций в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 312–336.

Муромцев С. А. Что такое догма права? М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1885.

Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

Пономарев Д. Е. Юридическое конструирование и методологическая идентичность правоведения: связь проблематики в пространстве юридической мысли // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 116–134.

Реутов В. П. О понятии правовой (юридической) конструкции // Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015.

Реутов В. П. О функциях и структуре юридических конструкций // Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015.

Тарасов Н. Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 18–24.

Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I: Основы / пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.

Черников В. В. Юридическая конструкция силы в полицейском законодательстве России // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 39–48.

Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016.

Юридическая техника: учеб. / под ред. В. Баранова. М.: Проспект, 2021.

Информация для цитирования

Матвеев А. Г. Размытие понятия «юридическая конструкция» в российской теории права // Ex jure. 2024. № 2. С. 63–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-63-77

Matveev A. G. Erosion of the Concept of “Legal Construction” in the Russian Legal Theory. *Ex jure*. 2024. № 2. Pp. 63–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-63-77

УДК 349.41

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-78-88

Общая характеристика вотчинной юстиции в российской судебной системе

Л. Ю. Мхитарян

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена понятию «вотчинная юстиция», истории его возникновения и развития. Отмечается важность изучения этимологии термина «вотчина» в трудах историков прошлого и настоящего времени. Приводится классификация вотчин по различным основаниям. Анализируется институт вотчинного суда, его преимущества и недостатки сообразно с историческим периодом. Акцентируется внимание на наиболее важных исторических вехах в появлении и развитии вотчинных судов в дореволюционной судебной системе России, имеющей значение для теоретиков и историков права и сегодня.

Ключевые слова: вотчина; отчина; судебная система России; вотчинная юстиция; судоустройство

General Characteristics of Patient Justice in the Russian Judicial System

L. Yu. Mkhitaryan

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

© Мхитарян Л. Ю., 2024



Abstract: the article is devoted to the analysis of the concept of patrimonial justice, the history of its origin and development. The importance of studying the etymology of the term fiefdom in the works of historians of the past and present is noted. The study provides a classification of estates on various grounds. The author analyzes the institution of patrimonial court, its advantages and disadvantages in accordance with the corresponding historical period. The author focuses on the most important historical milestones in the emergence and development of patrimonial courts in the pre-revolutionary judicial system of Russia, which are important for legal theorists and historians to this day.

Keywords: patrimony; fatherland; Russian judicial system; patrimonial justice; judicial system

Судебная власть любого государства – важнейшая составляющая системы государственной власти: представляя собой связующее звено между обществом и государством, юрисдикционные органы при управлении правосудия и вынесении решений используют нормы права, изданные законодательной властью, проверяют правильность правоприменения исполнительной властью и даже оказывают существенное влияние на толкование норм права. От эффективности управления правосудия и использования норм права во многом зависит уровень правозащитной деятельности государства, гарантия реализации населением прав и свобод.

История судебной системы России привлекала внимание исследователей начиная с XVIII века. Однако до сих пор находятся «белые пятна», позволяющие нам вновь и вновь возвращаться к этой теме или отдельным ее аспектам. Пересмотр некоторых положений, нюансов, повлиявших в том числе и на современное понимание судебной системы, является приоритетным направлением современных исследователей в области теории и истории государства и права России. Особо важное значение в контексте истории становления судебной системы России и эволюции юрисдикционных органов власти приобретает вотчина, поскольку вотчинные суды являлись важнейшим элементом управления правосудия вплоть до отмены крепостного права в России в 1861 году.

Обратимся к этимологии термина «вотчина». Профессор И. А. Малиновский считал, что *вотчины*, или *отчины*, – это участки земли, которые обрабатывались отдельной семьей или родом и переходили по наследству (как правило, от отца к сыну, однако такое наследование могло осуществляться и от других родственников). Ссылаясь на древние источники права, историк называл эти участки *дединами*, *прадединами*, *дядьковщинами*, именами

отчизнами и материальными¹. В «Лекциях по истории русского права» он приводит интересный пример: в 1498 году в суде рассматривалось дело по поводу одного села, которое, как утверждал истец, перешло ему от дяди, и в материалах дела спорное имущество именовалось дядьковщиной².

Как полагал А. Б. Лакиер, вотчина (отчина), или дедина, – это недвижимое имение, перешедшее к лицу от его предков³. Вотчина описывалась такими эпитетами, как «вековечная», «родовая», «старинная», «исконно вечная», «прародительская». При этом правнук, который вел счет владельцам земли несколько поколений, имел право называть эту землю прадединой. Известен случай (описанный и А. Б. Лакиером) с суздальскими князьями Василием и Федором Юрьевичами, заключившими в 1453 году договорную грамоту с князем Дмитрием Юрьевичем Шемякою и с сыном его князем Иваном: «А что, Господине, Князь Великий, отыimalъ у насъ безъ пошлины села, да подавалъ святому Рожеству въ манастырь въ Володимиръ: и тъ села намъ по старинѣ, какъ было при нашомъ прадѣдѣ при Великомъ Князи Дмитрие Костянтиновиче... А вашему, Господине, Великому Княженю съ нашою прадѣдиною и дѣдиною и отчиною судъ по старинѣ...»⁴

Российский историк В. И. Сергеевич утверждал, что если в первоначальном смысле термины «вотчина» и «дедина» указывали на способ приобретения имущества – доставшееся от отца или перешедшее от деда, то позднее, во времена Московского государства, под вотчиной подразумевали всю совокупность прав, которые возникли у вотчинника по отношению не только к имуществу, перешедшему от отца (родовые вотчины), но и к имуществу, приобретенному в результате купли, дарения, пожалования⁵.

По словарю Даля, вотчина (отчина) – это родовое недвижимое имение, населенная земля, состоящая во владении вотчинника (вотчиницы), село, деревни, перешедшие в чье-либо владение по прямому наследству (в этом случае носившие название коренная или столбовая вотчина) и по боковому (дядина, братанина)⁶.

¹ Малиновский И. А. Лекции по истории русского права. Ростов-н/Д: Изд-во кооп. т-ва «Единение», 1918. С. 446.

² Там же. С. 447.

³ Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб.: Тип. кн. маг. П. Крашенинникова и комп., 1848. С. 37.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. С. 136.

⁵ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. С. 529–530.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 147–148.

Б. Н. Чичерин под вотчиной (*Patrimonialherrschaft*) понимал форму гражданского союза, основанную на принадлежности земли князю как собственнику⁷. Причем друдинники становились частными собственниками в вотчине князя. Это была вотчина в вотчине или, как в Западной Европе, аллод в аллоде. Разумеется, князь не мог распоряжаться лежащими в его владениях частными вотчинами как своими; частная собственность подчинялась только верховным княжеским правам, определяемым обычаем или договорами.

М. Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что «всякое владение землей на частном праве не воспрещалось никакому свободному лицу и именовалось вотчиной»⁸. Однако следует заметить, что категория «частная собственность» должна пониматься здесь весьма условно, поскольку она «заведомо обременена чертами, элементами, связями не частного, а публичного свойства»⁹. Кроме того, важно указать, что права собственности как такового в российском праве не существовало вплоть до конца XVIII века, поскольку оно заменялось иными аналогичными правовыми категориями (удел, отчина, поместье и пр.)¹⁰.

Современный исследователь Т. Р. Галимов, опираясь на Лаврентьевский и Ипатьевский списки русских летописей, приходит к выводу, что отчиной называлось не только передаваемое по наследству право на владение и пользование землей; так же назывался и город самого князя с обязательным упоминанием имени города¹¹.

Сообразуясь со всеми вышеприведенными определениями, целесообразно заключить, что вотчиной назывался важнейший вид земельного наследия, недвижимости, возникший на территории Древнерусского государства в X–XI веках и явившийся на протяжении долгого времени историческим аналогом современного и знакомого нам института собственности. В России владельцами вотчины были князья, бояре, церковь. Таким образом, изна-

⁷ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894.

⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 152.

⁹ Магомедов М. Б. Некоторые проблемы теоретических аспектов крупной феодальной вотчины // Системные технологии. 2014. № 1. С. 124.

¹⁰ Езжева М. Н. Понятие права собственности на землю в российском законодательстве XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 5–10.

¹¹ Галимов Т. Р. К вопросу об истоках и развитии вотчины: «отчина» по древнерусским источникам // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 1. Казань, 2021. С. 41–59.

чально понимание вотчины как земельного участка, обладающего большой ценностью с точки зрения гражданского оборота, было неотделимо от следующего постулата: либо это владение зажиточных слоев населения, либо это собственность государственной (княжеской) власти, выступающая публичным объектом права.

В качестве основания классификации вотчин рассматриваются, как правило, субъект и способ приобретения¹². В основном историками выделяются дворцовые, церковные, государственные и частные вотчины. Частные, в свою очередь, делятся на родовые, жалованные и купленные.

Согласно исследованиям Б. Н. Чичерина, среди вотчин различаются следующие виды: вотчина дружиная, основанная на отношениях князя к дружине; вотчина поземельная, разновидностями которой являются вотчина феодальная, основанная на ленных отношениях, и вотчина удельная, где преобладает княжеская собственность, делящаяся по наследству как частное владение; наконец, вотчина сословная, которая предполагает объединение вокруг князя сословий, обладающих частными привилегиями и вольностями¹³.

А. Б. Лакиер в качестве особого вида недвижимости выделял имения княгинь, оставляемые в виде прожитка – как прожиточные, находившиеся постоянно в их владении, и благоприобретенные¹⁴. При этом прожиточные вотчины находились в уделах сыновей вдовствующей княгини, и с ее смертью вся полнота власти переходила к сыну-удельщику. Этими землями княгиня распоряжалась как вотчинница, в том числе осуществляла суд над всеми лицами, проживавшими на них.

В дополнение к изложенному важно указать, что в XVI–XVII веках вотчины выделялись также солепромышленникам, крестьянам и прочим лицам, не принадлежавшим к привилегированному сословию, проще говоря – служилому люду¹⁵. В это же время появляется классификация вотчин «по отечеству», то есть в связи с происхождением, и «по прибору» – дополнительному государственному набору¹⁶.

¹² Шитова Е. А. Основания возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве в XVI–XVII веках (на примере вотчин и поместий): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

¹³ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 117.

¹⁴ Лакиер А. Указ соч. С. 63.

¹⁵ Корчагин П. А. Иные вотчины: недворянское землевладение в Прикамье XVI–XVII вв. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2022. № 4. С. 45–53.

¹⁶ Кадерова Т. Н. Служилое землевладение в Мордовском крае в XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-2. С. 75.

Как видно из особенностей трансформации института вотчины в дореволюционном российском праве, он постепенно начал терять свое значение и былую весомость: если изначально вотчина могла быть в собственности государства или привилегированного сословия, то постепенно она приобретает статус рядового земельного участка, выделяемого и далеко не самым зажиточным слоям населения. Особенно ярко эта тенденция прослеживается после правления Ивана Грозного.

Вотчинная юстиция лишь один из немногих видов отправления правосудия, существовавших во времена средневековья в России и ряде европейских стран. И хотя за несколько столетий вотчинная юстиция доказала свою значимость в системе органов судебной власти, однако и ее постигла участь большинства средневековых институтов и в наши дни она является лишь архаичным пережитком прошлого.

Частные вотчинники обладали полными государственными правами суда и управления в своих имениях. Права политические зависели от частных: только землевладельцам, как утверждал известный дореволюционный историк М. Ф. Владимирский-Буданов, принадлежало право на государственную службу и деятельность¹⁷. Подтверждение тому мы находим в договорной грамоте Великого князя Димитрия Иоанновича (Донского) с двоюродным его братом князем Володимером Андреевичем, датированной 1362 годом: «тобъ знати своя отчина, а мнъ знати своя отчина»¹⁸.

При изучении истории становления и развития вотчинных судов следует, на наш взгляд, придерживаться периодизации русского права, предложенной М. Ф. Владимирским-Будановым, который выделял земский (или княжеский) период, московский и период империи¹⁹.

В Киевской Руси (земский период) судебные органы делились на суд князя (светский, публичный), другого уполномоченного органа (например, вечевой) или должностного лица (например, суд посадника, тиуна и т.д.); церковный (святительский) суд; наконец, вотчинный суд, который, как верно указывает профессор М. А. Исаев, «вышел из суда *pater familias* над своими домочадцами и предполагал неограниченную власть над ними»²⁰. Таким образом, возникновение вотчинного суда следует отнести к X–XI векам. В частности, А. А. Постнова отмечает зарождение вотчинной юстиции еще во вре-

¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 18.

¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров... С. 44.

¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 17.

²⁰ Исаев М. А. История Российского государства и права: учеб. / МГИМО (Университет) МИД России. М.: Статут, 2012. С. 37.

мена «Русской Правды»²¹. Ряд авторов также указывают на появление вотчинной юстиции в России еще в раннем средневековье²². Тем не менее существуют и другие точки зрения. В частности, Т. Ю. Амплеева утверждает, что вплоть до XV века вотчинных судов в Северо-Восточной Руси не существовало²³. Впрочем, поскольку достоверных эмпирических сведений до наших дней не сохранилось, нам приходится лишь констатировать множество различных гипотез, касающихся времени зарождения и механизма функционирования тех или иных органов Древнерусского государства. Следует, кроме того, отметить, что нередко вотчинные суды в указанный период исследователи ассоциировали с владельческими судами²⁴.

В церковном суде осуществлялось правосудие «по делам собственно духовным над лицами как духовного, так и светского звания»²⁵, а также над людьми, проживавшими на землях церковных и монастырских и в той или иной мере зависевшими от духовенства. Таким образом, церковь, будучи крупным землевладельцем, осуществляла суд вотчинника над своими подданными – «церковными людьми».

Судебные полномочия, передаваемые вотчинникам-«своеземцам», осуществлялись ими на основании особых жалованных несудимых и тарханных грамот великих и удельных князей, а также ханских ярлыков.

В Московском государстве судебная система включала три основные ветви судебных учреждений: государственные суды, вотчинные и церковные.

К вотчинным судам этого периода относят прежде всего дворцовый суд, который рассматривал дела населения дворцовых вотчин²⁶, светский (суд помещиков-феодалов) и духовный (суд игуменов или архимандритов на монастырских землях)²⁷. Что касается церковно-монастырского землевладения, то судебные полномочия над монастырскими крестьянами осуществлялись в полном объеме вплоть до Ивана IV, в правление которого произошло

²¹ Постнова А. А. Особенности судебной системы в России в X–XVII вв. // Вестник магистратуры. 2020. № 4-3. С. 66–67.

²² Чесных Т. И. Суд и процесс в Киевской Руси в IX–XII вв. // История судебных учреждений России: сб. обзоров и реф. / гл. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2004. С. 74–81.

²³ Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси: моногр. М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2005. С. 114.

²⁴ См., например: История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века) / О. Ю. Булатецкий, А. В. Воронин, Р. К. Гайнутдинов [и др.]. М.: Норма, 2016. С. 317.

²⁵ Троцина К. История судебных учреждений в России. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1851. С. 43.

²⁶ Амплеева Т. Ю. Судоустройство и уголовное судопроизводство в Московском централизованном государстве // Публичное и частное право. 2011. № 1. С. 26.

²⁷ Фетищев Д. В. Зарождение судебной системы в России: историко-правовой анализ // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 1. С. 92.

сужение круга лиц, подсудных вотчинному суду игумена, до одних только монахов монастыря. Таким образом, в монастырских и церковных имениях административные и судебные функции выполняли приказчики, заказчики и «посельские старцы» (последние существовали, по К. Е. Троцине, вплоть до 1701 года, покуда Петр I не распорядился заменить их приказчиками²⁸).

Иногда правительственные и вотчинные судьи собирались вместе и составляли «смесные» суды, которые также называют смешными, совместными. В этом случае грамотчику или его приказчику предоставлялось право участвовать в суде вместе с наместниками князя. Упоминание смесных судов в рамках настоящего исследования особенно интересно в связи с включением ими в состав судейской коллегии лиц из разных княжеств, что могло означать зарождение принципа беспристрастности, объективности. Это же означало и исключение давления со стороны одного княжества в ходе рассмотрения дела. Смесный суд еще назывался общим судом²⁹.

Если до начала XV века грамоты позволяли вотчиннику или указанному им лицу вершить суд по любым делам, то при Василии II было введено ограничение, касавшееся изъятия дел «по душегубству», а со второй половины XV века, с правления Ивана III, исключавшее и разбойные дела – «оприч душегубства и разбоя с поличным». Соответственно, в компетенции вотчинного суда остались лишь мелкие гражданские и уголовные дела.

Имперский период в российской истории выделяется большим количеством самых разнообразных судебных органов. Вотчинные суды этого времени примечательны прежде всего дошедшими до нас материалами по осуществлению правосудия, а также организации судебных органов в вотчинах помещиков. Можно упомянуть о существовании третейских судов, активной деятельности словесных судов и других судебных органов в верхневолжских вотчинах графов Шереметевых, Пермском нераздельном имении графов Строгановых³⁰ и пр. При этом для вотчинных судов было характерно использование демократических принципов: в указах Шереметевых, например, подчеркивалось, что судебные споры между крепостными крестьянами должны производить определенные выборные и старосты в вотчинном правлении³¹. Как пра-

²⁸ Троцина К. Указ. соч. С. 54.

²⁹ Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. С. 114.

³⁰ См., например: Мхитарян Л. Ю. Судебные учреждения имения Строгановых в XIX в.: общая характеристика // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 30–33.

³¹ Елисеева А. А. Вотчинная юстиция в системе владельческого патронирования крестьянства на примере верхневолжских вотчин графов Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2. С. 86–89.

вило, наказы по управлению вотчиной, в том числе по осуществлению суда и расправы над крестьянами, доводились до сведения приказчиков и иных должностных лиц путем написания особых инструкций – уложений, которые были весьма распространенным явлением для XVIII–XIX веков.

Таким образом, вотчинный суд (или вотчинная юстиция), также именовавшийся феодальным, на протяжении длительного времени представлял собой юрисдикционный орган, осуществлявший правосудие над служилыми и подвластными слоями населения на территории, ограниченной земельным владением. По своей сути вотчинная юстиция являлась лишь звеном в дореволюционной судебной системе России, правосудие в котором над подвластными ему людьми осуществлял феодал (владелец земельного надела). Таким феодалом чаще всего являлся князь или боярин – представитель зажиточного, свободного слоя населения, вершившего суд над крепостными по своему усмотрению.

Примечательно, что вотчинная юстиция являлась светским судопроизводством, в то время как церковные суды осуществляли совсем иную форму отправления правосудия. Это исключало влияние церкви на население, подвластное князю или боярину, из чего можно сделать вывод о безграничном, абсолютном, неподотчетном церковной власти правосудии феодала.

Среди явных преимуществ вотчинной юстиции в дореволюционном праве можно назвать следующие: самостоятельность в отправлении правосудия феодалом и снятие колоссальной нагрузки с системы государственных судебных органов в связи с отсутствием надобности разрешать споры в отдельных территориях, отнесенных к компетенции отдельной вотчины.

Недостатки вотчинной юстиции столь же очевидны: отсутствие бремени доказывания, незнакомого инквизиционному процессу эпохи абсолютизма; неограниченность властных полномочий феодала над крепостными; отсутствие возможности обжалования и пересмотра дела, наблюдавшегося на протяжении долгого времени.

Характер отправления правосудия, принципы судопроизводства, а также требования, предъявляемые к судьям, зависели от конкретной территории, на которой осуществлялась вотчинная юстиция, и от срока действия нормативного акта определенного времени. Например, для вотчинной юстиции Строгановых в XIX веке, существовавшей на территории Пермской губернии, были характерны выборность судей, возможность подачи апелляции и строгое соблюдение важнейшего принципа правосудия – справедливости.

Безусловно, характер и статус института вотчинной юстиции в дореволюционной России унаследован: имея собственные властные полномочия, феодалы могли отправлять правосудие самостоятельно, что положительно повлияло на развитие судебной системы в отдельных губерниях, изменив средневековые стандарты отправления правосудия.

Библиографический список

Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси: моногр. М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2005.

Амплеева Т. Ю. Судоустройство и уголовное судопроизводство в Московском централизованном государстве // Публичное и частное право. 2011. № 1. С. 15–32.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.

Галимов Т. Р. К вопросу об истоках и развитии вотчины: «отчина» по древнерусским источникам // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв.: материалы Все-рос. науч. конф. Вып. 1. Казань, 2021. С. 41–59.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

Езжева М. Н. Понятие права собственности на землю в российском законодательстве XIX в. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 5–10.

Елисеева А. А. Вотчинная юстиция в системе владельческого патронирования крестьянства на примере верхневолжских вотчин графов Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2. С. 86–89.

Исаев М. А. История Российского государства и права: учеб. / МГИМО (Университет) МИД России. М.: Статут, 2012.

История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века) / О. Ю. Булатецкий, А. В. Воронин, Р. К. Гайнутдинов [и др.]. М.: Норма, 2016.

Кадерова Т. Н. Служилое землевладение в Мордовском крае в XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-2. С. 75–77.

Корчагин П. А. Иные вотчины: недворянское землевладение в Прикамье XVI–XVII вв. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2022. № 4. С. 45–53.

Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб.: Тип. кн. маг. П. Крашенинникова и комп., 1848.

Магомедов М. Б. Некоторые проблемы теоретических аспектов крупной феодальной вотчины // Системные технологии. 2014. № 1. С. 114–125.

Малиновский И. А. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во кооп. т-ва «Единение», 1918.

Мхитарян Л. Ю. Судебные учреждения имения Строгановых в XIX в.: общая характеристика // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 30–33.

Постнова А. А. Особенности судебной системы в России в X–XVII вв. // Вестник магистратуры. 2020. № 4-3. С. 66–67.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: в тип. Н. С. Всеволожского, 1813.

Троцина К. История судебных учреждений в России. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1851.

Фетищев Д. В. Зарождение судебной системы в России: историко-правовой анализ // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 1. С. 91–95.

Чесных Т. И. Суд и процесс в Киевской Руси в IX–XII вв. // История судебных учреждений России: сб. обзоров и реф. / гл. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2004. С. 74–81.

Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894.

Шитова Е. А. Основания возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве в XVI–XVII веках (на примере вотчин и поместий): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

УДК 340.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-89-99

Теоретические вопросы деликтоспособности систем искусственного интеллекта

И. В. Самылов

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: samylovi@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию теоретических вопросов правосубъектности и деликтной ответственности, возникающих при использовании искусственных интеллектуальных систем. Рассматриваются практические трудности, появляющиеся в случае причинения ущерба в результате применения искусственного интеллекта. Анализируются имеющиеся правовые подходы для возмещения такого ущерба, а также высказанные в науке предпосылки признания ограниченной правосубъектности автономных роботов и иных систем искусственного интеллекта. Предложена концепция, в рамках которой возможно признание деликтоспособности искусственного интеллекта, и определены границы такой деликтоспособности. Сделан вывод о допустимости и полезности признания в будущем автономных интеллектуальных систем самостоятельными субъектами юридической ответственности.

Ключевые слова: правосубъектность; деликтоспособность; искусственный интеллект; право роботов; юридическая ответственность

© Самылов И. В., 2024



Theoretical Questions of Tort Capacity of Artificial Intelligence Systems

I. V. Samylov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: samylovi@yandex.ru

Abstract: *the article is devoted to the study of theoretical issues of legal personality and tort liability arising from the use of artificial intelligent systems. Practical difficulties arising in the event of damage caused by the use of artificial intelligence are considered. The available legal approaches for compensation for such damage are analyzed, as well as the scientific prerequisites for recognizing the limited legal personality of autonomous robots and other artificial intelligence systems. A concept is proposed in which it is possible to recognize the tort capacity of artificial intelligence and the permissible limits of such tort capacity are determined. A conclusion is made about the admissibility and usefulness of recognizing autonomous intelligent systems as independent subjects of legal liability in the future.*

Keywords: *legal personality; tort; legal capacity; artificial intelligence; robot law; legal liability*

Право как глобальная система социального регулирования в первые десятилетия XXI века регулярно сталкивается с новыми вызовами, которые порождаются развитием технологий. Распространение электронного документооборота, заключение сделок в цифровом формате, повсеместное проникновение Интернета и мобильной связи, генетическая медицина требуют новых подходов к правовому регулированию традиционных институтов.

Среди таких технологий особое место занимает искусственный интеллект, который еще совсем недавно был предметом научной фантастики. Буквально на наших глазах происходит революционный скачок от первых разработок, ориентированных лишь на автоматизированный перевод текстов, до полноценных автономных систем, способных эффективно решать разнообразные задачи, считавшиеся ранее исключительной прерогативой человека. Отличительной особенностью последних систем является их способность к самообучению, в результате чего алгоритм саморазвивается, а принятие им

решений становится плохо предсказуемым и непрозрачным для внешнего наблюдателя. При этом технологии искусственного интеллекта, едва появившись, быстро внедряются в разные сферы интеллектуальной и творческой деятельности, производства и повседневной жизни. Уже практически используются основанные на искусственном интеллекте беспилотные транспортные средства, системы мониторинга и управления городским трафиком, медицинские системы диагностики, не говоря уже о таких областях, как автоматизация производственных процессов, анализ данных, программирование, онлайн-обучение и электронная коммерция. У всех на слуху примеры успешного использования искусственного интеллекта для решения ряда классических юридических задач. И совершенно очевидно, что области практического применения этих инструментов в ближайшем будущем станут только расширяться.

В данный момент правовое регулирование вопросов использования искусственного интеллекта остается крайне фрагментарным. Причем не решены как многие практические моменты, так и некоторые фундаментальные вещи, такие как само понятие искусственного интеллекта и его место в системе правоотношений.

Известно, что всякая инновация, приводящая к повышению производительности труда и комфорта, зачастую связана с появлением новых рисков и проблем, требующих адекватных правовых решений. Так, в свое время по всеместное распространение железнодорожного и автомобильного транспорта, способного причинить существенный вред окружающим, породило конструкцию безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности. А широкое использование машин и механизмов на производстве в ходе научно-технической революции способствовало появлению социального страхования работников.

Во многом аналогичным образом в настоящее время наибольшую актуальность приобретает проблема определения надлежащего субъекта юридической ответственности в случае причинения ущерба роботом или иной системой, использующей искусственный интеллект. Проблема на первый взгляд вполне практическая, однако попытки ее решения неизбежно выводят на уровень принципиальной теоретической дискуссии о возможности и пределах самостоятельной правосубъектности таких систем.

В прессе описано множество случаев причинения вреда разного рода искусственными интеллектуальными системами. В частности, регулярно фиксируются наезды на пешеходов или других участников дорожного движения,

совершенные беспилотными автомобилями¹. Тысячами исчисляются ежегодно случаи причинения вреда промышленными роботами на производстве². Серьезные риски причинения ущерба жизни и здоровью влечет за собой использование искусственного интеллекта в медицине³. В таких условиях многие авторитетные специалисты призывают вообще отказаться от использования форм искусственного интеллекта или существенно ограничить сферу их использования. Открытое письмо с призывом приостановить разработку и обучение нейросетей, опубликованное на сайте Future of Life 22 марта 2023 г., подписали более 33 тыс. человек, в том числе глава Tesla, SpaceX и Twitter Илон Маск, сооснователь Pinterest Эван Шарп и сооснователь Apple Стив Возняк. Составители письма обращают внимание на то, что искусственные системы с интеллектом, сопоставимым с человеческим, могут представлять опасность для общества и угрожают людям потерей контроля над цивилизацией⁴. Однако подобные предложения сродни борьбе луддитов с распространением производственных машин в Англии XIX века или протестам жителей европейских городов против автомобилей в начале XX века. Прогресс и развитие технологий остановить невозможно, и они требуют от юриспруденции поиска адекватных правовых средств регулирования новых форм общественных отношений.

В отсутствие специального правового регулирования правоприменительная практика для решения вопросов деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта, использует положения о возмещении владельцем вреда, причиненного источником повышенной опасности, в том числе на основании аналогии закона⁵. Другой подход, предлагаемый рядом авторов, предусматривает привлечение к ответственности производителя системы на основании правил о возмещении вреда, причи-

¹ Рахимов М. Автопилот не распознал: Tesla сгорела на МКАД // Газета.ру. 2019. 11 авг. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/08/11/12571801.shtml>.

² Холмогоров В. Роботы-убийцы. Как и зачем машины убивают людей? URL: <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/646833/>.

³ В медицинских рекомендациях искусственного интеллекта IBM нашли ошибки. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/v-medicinskih-rekomendaciyah>.

⁴ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>.

⁵ См., например: Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 703.

ненного недостатками товара⁶. Оба подхода предполагают конструкцию усеченного деликта и возмещение ущерба независимо от вины причинителя вреда. С практической точки зрения такие предложения отчасти оправданы, поскольку решают проблему возмещения вреда потерпевшему и позволяют уйти от сложных вопросов доказывания вины и причинно-следственных связей.

Однако подобного рода конструкции не позволяют учесть ряд обстоятельств, важных для правильного применения мер ответственности. Так, если на начальном этапе развития робототехники промышленные и прочие роботы действовали по заданному алгоритму и, как следствие, установить причину ошибки и ответственного за нее было довольно просто, то сейчас мы имеем дело с саморазвивающимися и вполне автономными системами. На работу и решения современного искусственного интеллекта влияет множество факторов: сама архитектура интеллектуальной системы, программирование, используемые методы обучения, количество и качество обучающих материалов, особенности настройки и эксплуатации системы. За эти процессы отвечают разные субъекты: производители, программисты, дизайнеры, тестировщики и др. Кроме того, окончательное решение зачастую принимается или одобряется человеком, выполняющим функции контролера или оператора системы (врач, назначающий лечение по рекомендации компьютера, или водитель беспилотного автомобиля). Множественность факторов, влияющих на алгоритм поведения системы, затрудняет однозначное возложение ответственности только на ее владельца или производителя. Более того, установить виновника причинения ущерба зачастую не представляется возможным. И особенно трудным становится этот процесс применительно к деятельности самообучающихся и саморазвивающихся интеллектуальных систем, способных принимать самостоятельные решения на основе анализа поступающей из внешней среды информации и накопленного опыта.

Последнее обстоятельство все чаще побуждает исследователей задуматься о возможной деликтоспособности самого искусственного интеллекта. Так, В. А. Лаптев, рассматривая роботов как некую аналогию юридическим лицам, отмечает, что промышленный робот может иметь регистрацию и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей

⁶ Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 468–469.

целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку он априори представляет собой материальную ценность и его можно привлечь к юридической ответственности. Ответственность роботов может быть имущественной (например, компенсация ущерба) или административной (в частности, штраф или дисквалификация). Не исключает указанный автор и возможности уголовной ответственности искусственных субъектов в случае совершения ими действий, посягающих на жизнь и здоровье человека, с применением в качестве крайней меры наказания утилизации. Неприменимы к таким субъектам, в силу их особой природы, только воспитательная и превентивные функции юридической ответственности⁷.

С. В. Никитенко отмечает, что к искусственному интеллекту могут быть применены практически любые формы и средства юридической ответственности: корректировка поведения через настройку программы может рассматриваться как воспитательное воздействие на субъекта, а компенсаторную и штрафные функции можно реализовать через обращение взыскания на сам аппаратно-программный комплекс или закрепленное за ним имущество. Вместе с тем в итоге автор осторожно заключает, что такой подход хотя и допустим, но «неактуален для текущего уровня технологического развития»⁸.

За признание роботов (систем искусственного интеллекта) квазисубъектами права, как представляющими собой определенную правовую ценность, что предполагает, в частности, закрепление в законе ряда юридических обязанностей в неразрывном единстве с вопросами ответственности, выступает С. Е. Чаннов⁹.

С другой стороны, к примеру, А. П. Семитко подчеркивает недопустимость признания искусственного интеллекта субъектом права ни в настоящее время, ни в каком-либо будущем, указывая на угрожающие последствия такого решения для всего человечества¹⁰. П. М. Морхат замечает, что вопрос об ответственности непосредственно юнита искусственного интеллекта носит

⁷ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 88, 95.

⁸ Никитенко С. В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 174.

⁹ Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 102.

¹⁰ Семитко А. П. Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения» // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1. С. 70.

во многом тупиковый характер из-за совершенной бессмысленности в данном случае мер уголовной или административной ответственности, которые устоялись именно в отношении человека и просто неприменимы к искусственному интеллекту¹¹.

Согласно наиболее распространенному определению, юридическая ответственность представляет собой одну из форм государственно-принудительного воздействия на нарушителя норм права, заключающуюся в применении к нему предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих дополнительные неблагоприятные последствия¹². Государственное принуждение в рамках юридической ответственности осуществляется для достижения двух основных целей: восстановления нарушенного правопорядка и наказания лица, совершившего правонарушение¹³. Тем самым определяются две основные функции юридической ответственности – восстановление нарушенного права и наказание, осуждение нарушителя. В зависимости от того, какая из них превалирует, выделяют две основные разновидности юридической ответственности – правовосстановительную и карательную. Именно такое разделение юридической ответственности, на наш взгляд, теоретически значимо, в то время как общепринятое отраслевое деление (на гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную) имеет лишь прикладное и практическое значение и по большому счету ничего к пониманию сущности юридической ответственности не прибавляет.

Приведенный подход основан на концепции функциональной структуры права, значительный вклад в развитие которой внес профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета В. П. Реутов. Указанная концепция предполагает, в частности, наличие в системе права регулятивной и охранительной подсистем, а в рамках последней выделяет правовосстановительное (защитительное) и карательное право. Нормы защитительного права включают в себя «меры, направленные на ликвидацию последствий нежелательного поведения. Их основная функция и назначение – защита нарушенных субъективных прав, восстановление прежнего положения и исполнение

¹¹ Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 21.

¹² См., например: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 310.

¹³ См., например: Лейст О. Э. Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2001. С. 626–655.

юридических обязанностей»¹⁴. Нормы карательного права содержат санкции за совершенное виновное правонарушение в рамках прежде всего уголовного и административного права. Главной целью правовосстановительной ответственности, таким образом, является устранение вреда, причиненного правопорядку и потерпевшему. Цель же карательной ответственности – воздействие на правонарушителя для общей и частной превенции правонарушений, а также для выражения осуждения поведения нарушителя как антиобщественного.

С учетом приведенного концептуального понимания сущности и структуры юридической ответственности, как представляется, могут быть найдены подходы для выяснения пределов возможной деликтоспособности систем искусственного интеллекта.

Применение мер и механизмов карательной ответственности к субъектам, не имеющим качеств разумного и волеспособного субъекта, то есть человека, конечно, неоправданно. Каратальная ответственность предполагает обязательное установление вины и применение к нарушителю мер, нацеленных на исправление субъекта, «снимающих» вину и устраняющих негативные последствия правонарушения в правопорядке, которые невозмож но загладить простым возмещением ущерба. В этом плане приведенное выше замечание П. М. Морхата о бессмысленности мер уголовного и административного характера применительно к юнитам искусственного интеллекта вполне справедливо. По большому счету такие меры даже в отношении коллективных субъектов и юридических лиц представляются весьма сомнительными.

Вместе с тем применение правовосстановительных мер к искусственным образованиям вполне допустимо. Главная цель правовосстановительной ответственности – компенсация вреда, причиненного потерпевшему. И если правовые механизмы обеспечивают быструю и эффективную компенсацию, то не так уж важно, какие именно теоретические основания лежат в основе таких механизмов. Вполне разумным и практически применимым представляется, например, предложение признать субъектом такой ответственности саму должностным образом персонифицированную искусственную интеллектуальную систему, а в качестве источника средств на возмещение ущерба использовать страховые фонды, формируемые за счет

¹⁴ Рейтov B. P. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. С. 132.

обязательного отчисления части доходов, получаемых владельцами от использования таких систем¹⁵.

Принципиальные возражения против даже такой частичной деликтоспособности искусственных образований, не имеющих человеческой природы, на наш взгляд, безосновательны с учетом следующего. Принимая во внимание многообразие реальных правоотношений, а также множество функций и задач юридической ответственности, следует признать, что деликтоспособность как способность лица нести ответственность за совершенные правонарушения или причиненный вред никогда не отождествлялась исключительно с качествами человеческой личности. С одной стороны, современное правопонимание связывает деликтоспособность физических лиц с достижением определенного возраста и наличием определенных интеллектуальных и психологических качеств (вменяемость). С другой стороны, кроме собственно людей, право во все времена допускало деликтоспособность иных лиц. Так, с древнейших времен субъектами юридической ответственности признаются разного рода коллективные образования: общины, города, корпорации. Наконец, пусть с позиции современного мировоззрения это обычно рассматривается в качестве курьезов, но нередко в истории права мы встречаем случаи привлечения к юридической ответственности субъектов, вообще не имеющих качеств человеческой личности: животных, уже умерших людей и даже неодушевленных предметов¹⁶. В Средние века, к примеру, вменение вообще не было связано с внутренним моментом виновной воли человека и не ставилось ни в какую связь с вопросами воли вообще, а решалось по признакам одной механической связи ущерба с вещью или лицом, составившим его причину (принцип объективного вменения).

Как ни странно, однако в вопросе возмещения вреда, причиненного системой искусственного интеллекта, подобный архаичный на первый взгляд подход может быть признан целесообразным. Как верно заметил Юваль Ной Харари в своем футурологическом труде «*Homo Deus. Краткая история будущего*», «законы человеческого общества уже признают “субъектами права”

¹⁵ См. об этом подробнее: Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 87; Малышкин А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 3. С. 453.

¹⁶ См., например: Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М.: Проспект: ТК Велби, 2002. С. 198, 203.

интерсубъективные сущности, такие как корпорации и нации. Хотя Toyota или Аргентина не имеют ни тела, ни разума, они являются субъектами международного права, которые могут владеть землей и деньгами, а также привлекать и привлекаться к суду. Не исключено, что в недалеком будущем такой же статус получат и алгоритмы...»¹⁷ В ситуации, когда установить виновное лицо по классическим процессуальным правилам не представляется возможным в силу значительного числа факторов и субъектов, участвующих в их создании и деятельности, а понять механизм принятия решения автономным суперкомпьютером для того же судьи затруднительно в силу ограниченности возможностей экспертизы, проводимой людьми, именно наделение искусственного интеллекта самостоятельной деликтоспособностью и возмещение ущерба непосредственным причинителем вреда без выяснения сложных вопросов о степени виновности и причинно-следственной связи может быть признано правильным решением.

Библиографический список

Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.

Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

Лейст О. Э. Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2001. С. 626–655.

Малышкин А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 3. С. 444–460.

Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 3. С. 461–476.

Никитенко С. В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 156–174.

¹⁷ *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. С. 378.

Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / А. Г. Бережнов [и др.]; под ред. М. Н. Марченко. М.: Юрист, 2001.

Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002.

Семитко А. П. Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения» // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1. С. 69–75.

Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 79–88.

Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019.

Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданко-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683–708.

Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 94–109.

Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права: учебник. М.: Проспект: ТК Велби, 2002.

Информация для цитирования

Самылов И. В. Теоретические вопросы деликтоспособности систем искусственного интеллекта // *Ex jure*. 2024. № 2. С. 89–99. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-89-99

Samylov I. V. Theoretical Questions of Tort Capacity of Artificial Intelligence Systems. *Ex jure*. 2024. № 2. Pp. 89–99. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-89-99

УДК 340.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-100-112

Применение частноправовых конструкций в публичных правоотношениях

Е. В. Трапезникова

Старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: elena.valerevna.t@gmail.com

Аннотация: в статье на примерах из судебной практики показано, что, во-первых, применение органами власти частноправовых конструкций в публичном праве – прием, используемый для преодоления пробелов в праве, – напротив, приводит к правовой неопределенности, поскольку создает новые условия реализации прав и обязанностей для частных субъектов. Во-вторых, отказ от следования установленным частным правом материальным конструкциям и приоритетное применение формальных правил публичного права накладывают на частные лица новые обязанности или новые запреты. Отсутствие единого юридико-технического основания для таких фактов применения закона, вопреки основополагающим положениям статей 2 и 18 Конституции РФ, ведет к конъюнктурному правоприменению и дисбалансу интересов частных и публичных лиц в публичных правоотношениях.

Ключевые слова: частное право; частноправовая конструкция; правоприменение; частные и публичные интересы; взаимодействие норм частного и публичного права; публичные правоотношения

© Трапезникова Е. В., 2024



Application of Private Law Constructions in Public Legal Relations

E. V. Trapeznikova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: elena.valerevna.t@gmail.com

Abstract: the article uses examples from judicial practice to demonstrate, firstly, the use by authorities of private law structures in public relations. This technique, used to overcome gaps in the law, on the contrary, leads to legal uncertainty, since it creates new conditions for the implementation of rights and obligations for private entities. Secondly, the refusal to follow the material structures established by private law and the priority application of the formal rules of public law, which imposes new obligations or prohibitions on private subjects. The absence of a single legal and technical basis for such facts of application of the law, contrary to the fundamental provisions of Art. 2 and 18 of the Constitution of the Russian Federation, leads to opportunistic law enforcement and an imbalance of interests of private and public subjects in public legal relations.

Keywords: private law; private law construction; law enforcement; private and public interests; interaction of private and public law; public legal relations

О проблеме неопределенности содержания предписаний нами был написан ряд работ¹. Нередко стороны спорного правоотношения по-разному трактуют содержание диспозиции предписания (право, обязанность или запрет) и соотношение собственных прав и обязанностей. А когда корреспонденция прав и обязанностей субъектов правоотношения неясна и двусмысленна, возникает правовая неопределенность.

¹ Трапезникова Е. В. Решение спора о содержании предписания (право или обязанность?) // *Ex jure.* 2020. № 3. С. 16–32; *Она же.* Практический аспект понятия «нормативно-правовое предписание» // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 21–27; *Она же.* Выявление в судебной практике правил толкования норм права // Актуальные проблемы судебной деятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 29 октября 2020 г.) / под ред. В. А. Терехина, П. А. Гука. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2020. С. 215–222; *Она же.* Формула компьютерного толкования диспозиции нормы права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 710–714; *Она же.* Неопределенность правовых предписаний как предмет экспертизы нормативных правовых актов (по решениям Конституционного Суда Российской Федерации) // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 640–644.

Актуальной в этом аспекте проблемой является применение субъектами власти межотраслевой аналогии закона, возлагающей дополнительные обязанности на частных лиц, и, напротив, неприменение отдельных общих положений материального частного права и приоритетное следование формальным правилам публичного права.

Как известно, публичное право регулирует отношения субординации (власть-отношения) путем императивных предписаний, что влечет для граждан обязанности и запреты, а частное – равноправные отношения, вступление в которые зависит от воли участников и посредством которых приобретаются субъективные права и обязанности². Выделение двух видов подсистем права – частного и публичного, а также материального и процессуального права – способствует определению функций каждой из подсистем и расширяет возможности их воздействия. Однако обе парные подсистемы не существуют обособленно, напротив, они переплетены и взаимообусловлены, что способствует главной цели права – достижению законности и правопорядка.

В литературе также отмечается тенденция взаимопроникновения норм материального права и процесса в рамках подсистем частного и публичного права. Исходным становится взаимопроникновение частных и публичных норм в материальном праве, что приводит к расширению процессуальной сферы в рамках частного права³.

Для определения тенденций правоприменения следует проанализировать заимствование субъектами власти частноправовых начал в реализации публичноправовых отношений.

1. Широко распространена в практике судов в делах об оспаривании судебных актов в апелляционной или кассационной инстанции по причине неуведомления судом сторон спора о времени назначения судебного заседания ссылка на презумпцию, указанную в абзаце 2 пункта 1 статьи 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «Заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю.

² См.: Яковлев В. Ф., Талапина Э. В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 10.

³ Бабенко Н. А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 7.

Сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним»⁴.

В пункте 68 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 23 июня 2015 года № 25 указано, что «статья 165.1 ГК РФ подлежит применению также к судебным извещениям и вызовам, если гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрено иное»⁵. Притом что в статье 165.1 ГК РФ прямо говорится о сообщениях, с которыми закон или сделка связывают гражданско-правовые последствия. Иными словами, установленные в ней правила ограничиваются частноправовыми отношениями. Закон не предусматривает действие этих правил в гражданско-процессуальных, то есть публично-правовых, отношениях.

В соответствии с частью 1 статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), «лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату»⁶. Применение в формулировке глагольных форм настоящего времени выражает именно обязанность лица, а не право⁷.

В доктрине отмечается наличие у суда не только процессуальных прав, но и обязанностей перед лицами, участвующими в процессе⁸. Одна из них –

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 11.03.2024).

⁵ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. О реализации этой правовой позиции в судебной практике см., например: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 марта 2020 г. по делу № 88-5139/2020, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31 мая 2023 г. № 88-13279/2023.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. (ред. от 25.12.2023).

⁷ См. об этом подробнее: Справочник по нормотворческой технике / пер. с нем. Н. Г. Елисеева; общ. ред. Т. Ф. Яковлевой. 2-е изд., перераб. М.: БЕК, 2002. С. 32; Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 39.

⁸ Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 566; Воскобитова Л. А. Теоретические основы

обязанность произвести разбирательство дела с обязательным извещением лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания.

Извещение в гражданском процессе должно служить одной из реально действующих гарантий права каждого на справедливое судебное разбирательство⁹, а значит, главная цель судебных извещений – донести информацию до участников дела, а не просто «передать» ее. Несколько позднее принятия вышеуказанного постановления ВС РФ акцентировал внимание судов на том, что вне зависимости от избранного ими способа извещения участников судопроизводства «любое используемое средство связи или доставки должно обеспечивать достоверную фиксацию переданного сообщения и факт его получения адресатом»¹⁰.

Однако суды, ссылаясь на разъяснения Пленума ВС РФ, активно применяют правило из материального частного права, в основе которого принципы равенства сторон и автономии воли в удовлетворении своих имущественных интересов, добросовестности и несения риска неполучения корреспонденции и всех связанных с этим негативных последствий, к процессуальным публичным правоотношениям, цель которых – обеспечить доступ к правосудию и вынесению судом законного и обоснованного решения. «Прогрессивность частноправовых конструкций зачастую притягивает к себе внимание права публичного»¹¹. Между тем пунктом 3 статьи 2 ГК РФ установлено общее правило о применении норм гражданского права в публичных отношениях только в случае прямого указания на это в законе. Как известно, правовая позиция Пленума ВС РФ – не закон, принятый по определенной процессуальной процедуре уполномоченными органами.

В соответствии с частью 4 статьи 1 ГПК РФ, «в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства», суды «применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона)». Заметим, сходные (процессуальные) отношения, а не частноправовые отношения (межотраслевая аналогия закона).

судебной власти: учеб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 92; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 213.

⁹ Цуцкова М. Г. О понятии судебных извещений и вызовов в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2014. № 10. С. 94.

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015): утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 23 дек. 2015 г. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/practice/15164/>.

¹¹ Лучевникова А. А. Применение норм частного права в публичных правоотношениях // INTERNATIONAL & DOMESTIC LAW: материалы XV ежегод. Всерос. конф. по нац. и междунар. праву. Екатеринбург: Sapientia, 2020. С. 369.

Нам представляется, что публично-правового пробела здесь нет и применение межотраслевой аналогии закона недопустимо. В процессуальном публичном праве должна быть создана специальная конструкция, распределяющая ответственность и риски за отправку и получение судебных извещений. За более чем восемь лет существования правовой позиции Пленума ВС РФ (постановление от 23 июня 2015 года) законодатель имел темпоральную возможность заполнить этот «пробел». Если же это не сделано, то имеет место не пробел, а квалифицированное молчание законодателя. «Применение по аналогии норм материального (гражданского) права, регулирующих частные отношения, для публичных процессуальных правоотношений суда с гражданами представляется сомнительным, тем более когда аналогия закона применяется для удовлетворения корпоративного интереса обязанным лицом для освобождения от публичных обязанностей»¹².

На деле в обширной практике судов их публичная процессуальная обязанность о надлежащем уведомлении участников дела подменяется обязанностью сторон спора любыми средствами узнать о дате рассмотрения дела с риском несения негативных последствий неисполнения этой «обязанности», что противоречит цели судопроизводства и разъяснениям ВС РФ в упомянутом Обзоре судебной практики. В публичной сфере обязанность государства в лице судебных органов уведомлять о деле корреспондирует праву участника дела на судебную защиту, и это право не может быть умалено. В противном случае оно становится декларативным и не обеспечивает цели правосудия в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Наделение суда процессуальным правом цивилистического свойства ведет к недобросовестному исполнению судом своей процессуальной обязанности публичной природы, что фактически лишает участников дела возможности восстановить срок на подачу жалобы (в случае его пропуска по неизвестию о вынесенном акте) или признать незаконным решение суда по причине нарушения или неправильного применения норм процессуального права.

2. Другим примером заимствования публичным правом подходов из частного права является складывающаяся в правоприменительной практике норма о наличии обязанности по уплате НДФЛ физическим лицом при даре-

¹² Поляков С. Б., Гилев И. А. Система правоприменительных операций: моногр. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 186.

нии между близкими родственниками, если объектом дарения выступает коммерческая недвижимость.

С 1 января 2006 года в соответствии с пунктом 18.1 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации¹³ (далее – НК РФ) не уплачивается НДФЛ с доходов, получаемых физическими лицами в порядке дарения, за исключением случаев дарения недвижимого имущества, транспортных средств, акций, долей, паев. При этом если даритель и одаряемый являются членами семьи или близкими родственниками в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации¹⁴, то у них освобождаются от НДФЛ *все* доходы, полученные в порядке дарения, включая недвижимое имущество, транспортные средства, акции, доли и паи¹⁵.

Между тем налоговые органы начисляют налог на доходы физических лиц при получении теми в дар недвижимого имущества от близких родственников. И в обоснование своего требования инспекции Федеральной налоговой службы ссылаются на отсутствие характеристик подаренного имущества, предназначенного для использования в личных, семейных или домашних целях. Нежилые объекты, по мнению ИФНС, использовались в предпринимательских целях, а значит, имеется экономическое основание налогообложения. Суды поддерживают позицию налоговых органов¹⁶, несмотря на отсутствие в гипотезе запрещающего для государства предписания исключений из общего правила (дарение недвижимости между близкими родственниками осуществляется без выплаты НДФЛ).

Статья 217 НК РФ содержит предписания о предоставлении льгот по уплате налога на доходы физических лиц по различным основаниям, например по виду дохода, особенности субъектного состава и пр. Льгота, установленная абзацем 2 пункта 18.1 данной статьи, возникает при дарении между

¹³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон РФ от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ: принят Гос. Думой 19 июля 2000 г.: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г (ред. от 26.02.2024).

¹⁴ Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. (ред. от 31.07.2023).

¹⁵ См.: ст. 3 Федерального закона от 1 июля 2005 г. №78-ФЗ «О признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой налога с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения».

¹⁶ Решение Арбитражного суда Тверской области от 1 нояб. 2023 г. по делу № А66-11560/2023; Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 14 нояб. 2023 г. по делу № А71-10488/2023; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 мая 2021 г. по делу № А42-3385/2020.

специальными субъектами – лицами, состоящими в близком родстве друг с другом. Характеристика имущества, по буквальному смыслу предписания, не имеет правового значения.

Правоприменительные органы используют нормы о предпринимательской деятельности и о соответствующем статусе физического лица в подсистеме частного права для обоснования своей позиции в публичных (налоговых) правоотношениях. Государственные органы расширительно толкуют предписание, содержащееся в абзаце 2 пункта 18.1 статьи 217 НК РФ, отдавая приоритет при решении вопроса о наличии обязанности одаряемого по уплате налога характеру использования имущества, переданного по безвозмездной сделке, и оставляя без внимания пребывание дарителя и одаряемого в близком родстве (гипотезу спорного предписания).

Запрет по взиманию НДФЛ, адресованный налоговому органу, корреспондирует праву налогоплательщика приобретать в дар имущество от близкого родственника без налоговых последствий в денежной форме. Органы власти (ИФНС, суды), вопреки буквальному толкованию закона, пренебрегают установленным для них запретом, превращая его в фискальное правомочие, а предоставленную налогоплательщикам льготу – в их обязанность. Это делается путем введения судебным правотворчеством *contra legem* в нормы налогового (публичного) права отсутствующих в них юридических фактов, предусмотренных гражданским законодательством.

3. Судебной практике известны ситуации, когда, напротив, субъекты власти в публичных правоотношениях намеренно не применяют общие положения, сформулированные в частном праве, хотя для их применения есть весомые материально-правовые основания. Например, в частном праве сформулирована конструкция универсального правопреемства юридических лиц при реорганизации, при котором все права и обязанности во всех правоотношениях переходят от одного лица к другому (ст. 8, 57, 58, 129 ГК РФ).

Все субъекты, ведущие хозяйственную и иную деятельность, связанную с воздействием на окружающую среду, обязаны осуществлять плату за негативное воздействие на окружающую среду (далее – НВОС)¹⁷. Акционерное общество установило объем обязанности по плате за НВОС за календарный год, но впоследствии было реорганизовано (в форме преобразования) в общество с ограниченной ответственностью (далее – Общество) с тем же на-

¹⁷ Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. Ст. 65, 67.

именованием и адресом. Вследствие этой реорганизации не изменился ни производственный процесс, ни вид деятельности, ни используемое сырье, ни вид отходов и выбросов, ни объем образования отходов и лимитов на их размещение. Произошло лишь изменение организационно-правовой формы юридического лица (записи в Едином государственном реестре юридических лиц) без изменения материальных условий ведения деятельности.

Управление Росприроднадзора (администратор платы за НВОС) обратилось в суд с требованием об уплате задолженности по НВОС с увеличенным коэффициентом по причине отсутствия переоформления разрешительной документации Общества. В обоснование своего требования Управление Росприроднадзора ссылалось на пункт 14 приказа Минприроды России от 25 февраля 2010 года № 50 «О Порядке разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение» и на пункт 10.1 приказа Минприроды России от 25 июля 2011 года № 650 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух (за исключением радиоактивных веществ)», в соответствии с которыми изменение организационно-правовой формы *не порождает правопреремство* на ранее выданные разрешительные документы при реорганизации и необходимо заново проходить процедуру оформления разрешительной документации. Суды поддержали позицию государственного органа¹⁸.

Ранее была иная судебная практика. В аналогичном деле Управление Росприроднадзора вменило реорганизованному юридическому лицу нарушение, выразившееся в осуществлении выброса вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух при эксплуатации объекта в отсутствие разрешения на это. Суд первой инстанции поддержал позицию Росприроднадзора, однако суд апелляционной инстанции указал, что переоформление разрешения на выбросы в случае реорганизации юридического лица не является обязательным, предусмотрена лишь возможность такого в случае подаче соответствующей заявки¹⁹. Кассационный суд поддержал выводы второй инстанции о наличии разрешительной документации, получен-

¹⁸ См.: Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 20 янв. 2023 г. по делу № А12-21476/2022.

¹⁹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2022 г. по делу № А70-21164/2021.

ной правопредшественником, и о переходе прав и обязанностей на использование отдельных природных объектов правопреемнику²⁰.

Таким образом, государственные органы зачастую применяют нормы подзаконных нормативных актов, не предусматривающих установленную законом конструкцию в подсистеме частного права. В результате у частных лиц появляются дополнительные обязанности при неизменности материальных обстоятельств. Формальный подход правоприменителей (новое название юридического лица влечет за собой установление заново нормативов выбросов) преобладает.

Установление в публичном праве правила о запрете частноправового универсального правопреемства не отвечает принципам соблюдения баланса частных и публичных интересов, охраны и восстановления окружающей среды, а преследует цели получения дополнительной имущественной выгоды за счет наложения дополнительных обязанностей на частных лиц.

4. В гражданском праве широко применяется конструкция взыскания процентов за пользование имуществом (ст. 317.1, 395 ГК РФ). В публичном праве, напротив, отдельными нормативными правовыми актами запрещается взыскивать проценты при возврате излишне взысканных платежей.

Рассмотрим конкретную ситуацию. Общество ввезло на территорию Российской Федерации деревообрабатывающие станки. Таможенный орган учел их как оборудование для лесного хозяйства, в отношении которого предусмотрен утилизационный сбор, и начислил его к уплате. Общество внесло требуемую сумму за ввезенное оборудование, но впоследствии через суд изменило классификацию товара на другой вид, за который уплата утилизационного сбора не производится. Центральная акцизная таможня возвратила ранее уплаченную сумму утилизационного сбора в полном объеме, но без процентов за пользование денежными средствами²¹. Суды трех инстанций в обоснование отказа в уплате процентов за излишне взыскиенный сбор, невозможности применения статьи 395 ГК РФ и отсутствия пробела в праве ссылались на пункт 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и/или прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взыскан-

²⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 нояб. 2022 г. по делу № А70-21164/2021.

²¹ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 5 окт. 2020 г. по делу № А56-69059/2020.

ных сумм этого сбора²², в соответствии с которым «при возврате излишне уплаченных (взысканных) утилизационных сборов проценты с излишне уплаченных (взысканных) утилизационных сборов не выплачиваются, суммы не индексируются и комиссионное вознаграждение по банковским операциям выплачивается за счет переводимых средств».

Таким образом, подзаконным регулированием ухудшается правовое положение частных субъектов, поскольку устанавливается запрет на компенсацию расходов, понесенных по вине государственных органов. На основании этого у публичного лица появляется право отказать в выплате процентов без санкции, что создает условия для произвола отдельных должностных лиц и злоупотребления ими собственными полномочиями.

В приведенном случае такой прием установления приоритета государственных интересов над интересами частных лиц путем исключения действия частноправовых правил по отношению к органам власти был признан незаконным постановлением Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2022 года № 47-П. Конституционный Суд РФ прямо указал на необходимость применения в публичном праве подхода, принятого в частном праве, о возмещении финансовых издержек при необоснованном взыскании денежных средств фиском: в случае невыплаты процентов при возврате излишне взысканных платежей «у лиц, необоснованно привлеченных уполномоченным органом к уплате сбора, как субъектов экономической деятельности отсутствует право на компенсацию возникших финансовых потерь (порожденных инфляцией, длительной невозможностью использовать изъятые средства и т.д.). Таким образом, для публичного образования предусмотрен упрощенный механизм восстановления имущественных интересов и, напротив, плательщикам сбора отказано в подобном механизме, что очевидно влечет дисбаланс частного и публичного интересов в отношениях по взысканию сбора»²³.

²² Об утилизационном сборе в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора»): постановление Правительства Рос. Федерации от 6 февр. 2016 г. № 81 (ред. от 06.06.2023).

²³ По делу о проверке конституционности пункта 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тракторородеталь Групп»: постановление Конституционного Суда РФ от 8 нояб. 2022 г. № 47-П.

А. А. Лучевникова отмечает, что в частном праве существуют механизмы, не позволяющие злоупотреблять частноправовыми конструкциями, – например, запрет извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. В публичном праве таких инструментов нет, что приводит не только к получению публичными органами пользы вследствие допущенных ими же ошибок, но и к усилению своей процессуальной позиции за счет ослабления позиции частного лица²⁴. Следует добавить, что жонглирование органами власти частноправовыми конструкциями (использование их без ясных оснований) во властных правоотношениях приводит к самоосвобождению публичных органов от публичных обязанностей с целью удовлетворения корпоративного интереса.

Библиографический список

- Бабенко Н. А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.*
- Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016.*
- Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти: учеб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.*
- Лучевникова А. А. Применение норм частного права в публичных правоотношения // International & Domestic Law: материалы XV ежегод. Всерос. конф. по нац. и междунар. праву. Екатеринбург: Sapientia, 2020. С. 365–371.*
- Поляков С. Б., Гилев И. А. Система правоприменительных операций: моногр. М.: Юрлитинформ, 2023.*
- Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.*
- Справочник по нормотворческой технике / пер. с нем. Н. Г. Елисеева; общ. ред. Т. Ф. Яковлевой. 2-е изд., перераб. М.: БЕК, 2002.*
- Трапезникова Е. В. Выявление в судебной практике правил толкования норм права // Актуальные проблемы судебной деятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 29 октября 2020 г.) / под ред. В. А. Терехина, П. А. Гука. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2020. С. 215–222.*
- Трапезникова Е. В. Неопределенность правовых предписаний как предмет экспертизы нормативных правовых актов (по решениям Конституционного Суда Российской Федерации) // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 640–644.*

²⁴ Лучевникова А. А. Указ. соч. С. 369.

Трапезникова Е. В. Практический аспект понятия «нормативно-правовое предписание» // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 21–27.

Трапезникова Е. В. Решение спора о содержании предписания (право или обязанность?) // *Ex jure*. 2020. № 3. С. 16–32.

Трапезникова Е. В. Формула компьютерного толкования диспозиции нормы права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 710–714.

Цуцкова М. Г. О понятии судебных извещений и вызовов в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2014. № 10. С. 90–96.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993.

Яковлев В. Ф., Талапина Э. В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5–16.

Информация для цитирования

Трапезникова Е. В. Применение частноправовых конструкций в публичных правоотношениях // *Ex jure*. 2024. № 2. С. 100–112. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-100-112

*Trapeznikova E. V. Application of Private Law Constructions in Public Legal Relations. *Ex jure*. 2024. № 2. Pp. 100–112. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-100-112*

УДК 342.4

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-2-113-125

Возвращение лишения гражданства?

К. М. Худолей

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
доцент кафедры конституционного и административного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Аннотация: принятый в 2023 году новый закон о гражданстве предусматривает новые основания для прекращения гражданства. Если ранее решение о прекращении гражданства связывалось законодателем с представлением заведомо ложных сведений и документов и совершением ряда преступлений террористической и экстремистской направленности, то сегодня данное основание законодатель разделил фактически на три самостоятельных. Наряду с сообщением заведомо ложных сведений отдельными основаниями для прекращения гражданства стали совершение общеуголовных деяний, никакого отношения не имеющих к подрыву основ конституционного строя (например, изнасилование, развратные действия, незаконный оборот наркотических средств), и установление органами ФСБ во внесудебном порядке факта угрозы национальной безопасности. Причем эти основания применяются не только к лицам, принятым в гражданство РФ, но и к тем, кто приобрел гражданство в результате признания гражданином РФ на основании федерального конституционного закона, международного договора РФ (жители «новых» регионов России). Все эти положения фактически возрождают институт лишения гражданства, запрещенный статьей 6 Конституции РФ, а также рядом правовых позиций Конституционного Суда РФ. Эти нормы создают угрозу нарушения принципа равенства гра-

© Худолей К. М., 2024



жданства, справедливости, соразмерности ограничения прав и свобод и ведут к появлению огромного числа «лишенцев» – лиц, лишенных политических прав, которых можно будет либо депортировать из страны, либо держать в местах временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства неопределенный срок.

Ключевые слова: гражданство; прекращение гражданства; лишение гражданства; отмена решения о предоставлении гражданства; высылка

Return of Denaturalization of Citizenship?

K. M. Khudoley

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Abstract: the new citizenship law adopted in 2023 provides new grounds for termination of citizenship. In particular, instead of the previously established by law cancellation of the decision to terminate citizenship due to the submission of knowingly false information and documents, including the commission of a number of crimes of a terrorist and extremist nature, the legislator divided this basis actually into 3 independent ones. Along with the termination of citizenship due to the submission of knowingly false information, the commission of a huge number of general criminal acts that have nothing to do with undermining the foundations of the constitutional order (for example, rape, indecent assault, illegal drug trafficking), as well as the establishment of a fact, became independent grounds for its termination, threats to national security, which are determined by the FSS out of court. Moreover, these grounds apply not only to persons who have been granted Russian citizenship, but also to those who have acquired citizenship as a result of recognition (residents of “new” regions of Russia). All these provisions actually revive the institution of deprivation of citizenship, prohibited by Art. 6 of the Constitution of the Russian Federation, as well as a number of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. These norms create a threat of violation of the principle of equality of citizenship, justice, proportionality of restrictions on rights and freedoms and entail the emergence of a huge number of “disenfranchised” – persons deprived of political rights who can be deported from the country or kept in places of temporary detention of foreign citizens and stateless persons indefinitely term.

Keywords: citizenship; termination of citizenship; deprivation of citizenship; cancellation of the decision to grant citizenship; deportation

Конституционное законодательство большинства зарубежных стран в настоящее время либо полностью запрещает лишение гражданства, либо допускает такую возможность исключительно в отношении натурализованных лиц в случае получения ими гражданства на основании подложных документов или совершения преступлений против безопасности государства (Германия, Испания, Франция, Нидерланды), причем «в течение сравнительно небольшого срока после натурализации» (например, шесть лет в Австрии)¹. Аналогичные правовые нормы установлены Европейской конвенцией о гражданстве², которую подписали 29 европейских государств, в том числе и Российской Федерацией. И хотя Россия не ратифицировала ее, однако сам факт подписания международного договора, согласно статье 18 Венской конвенции о праве международных договоров³, возлагает на государство обязанность отказаться от совершения действий, которые могут лишить подписанный международный договор его цели и объекта. Все эти нормы так или иначе вытекают из Всеобщей декларации прав человека⁴, которая впервые на международном уровне закрепила в качестве одного из основных право на гражданство, в том числе недопустимость произвольного лишения гражданства или права сменить гражданство.

С 2014 года в Великобритании лишение гражданства стало возможно и в отношении лиц с единственным гражданством Великобритании, если их поведение создает угрозу интересам Соединенного Королевства. Во многих других странах дальнего зарубежья, в частности в странах Азии и Африки, институт лишения гражданства до сих пор существует и активно действует. В СССР лишение гражданства широко применялось по отношению к диссидентам и не имело четких законодательных ориентиров.

Законодательство некоторых стран ближнего зарубежья предусматривает возможность отмены решения о приобретении гражданства, если это решение было принято на основании представленных заведомо ложных сведений или подложных документов (Беларусь, Таджикистан и Украина) или если гражданство было предоставлено лицу с нарушением законом установленной процедуры (Литва). Согласно законодательству Литвы, решение о предоставлении гражданства отменяется и в случае совершения международных преступлений либо преступлений против государства.

¹ Конституционное (государственное право) зарубежных стран: в 4 т. Т. 1–2: Часть общая: учеб. / отв. ред. Б. А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. М.: БЕК, 2000. С. 92.

² Европейская конвенция о гражданстве (ETS № 166) (Страсбург, 6 нояб. 1997 г.).

³ Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.).

⁴ Всеобщая декларация прав человека: принята Ген. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.

Лишение гражданства как основание прекращения гражданства отсутствует в законодательстве большинства государств – участников СНГ и стран Балтии. Но в ряде стран сохранено лишение гражданства для лиц, получивших гражданство в порядке натурализации. В отношении лиц, получивших гражданство по рождению, процедура лишения гражданства не применяется (ст. 8 Конституции Эстонской Республики). Однако перечень оснований для лишения гражданства фактически не отличается от оснований утраты гражданства или отмены решения о предоставлении гражданства: приобретение гражданства обманным путем или на основании фальшивых документов (Азербайджан, Молдова, Эстония, Латвия); совершение тяжкого преступления против государства (Молдова) или насилиственное свержение конституционного строя (Эстония); совершение преступлений террористической или экстремистской направленности (Беларусь, Казахстан, Азербайджан); поступление на военную или другую государственную службу иностранного государства (Молдова, Эстония, Украина, Латвия); приобретение гражданства иностранного государства без уведомления органов власти (Эстония)⁵.

В России 26 октября 2023 г. вступил в силу новый закон «О гражданстве в Российской Федерации»⁶. В отличие от предыдущего⁷, он содержит ряд крайне неоднозначных нововведений, одно из которых касается оснований прекращения гражданства. В новом законе появились такие основания, как прекращение гражданства вследствие совершения преступления (с 2017 года факт совершения преступлений террористической или экстремистской направленности являлся, по существу, разновидностью прекращения гражданства вследствие сообщения ложных сведений об обязательности соблюдения Конституции РФ и ее законодательства или отказа от принесения Присяги гражданина РФ), а также прекращение гражданства при установлении фактов, создающих угрозу безопасности страны. Положения прежнего закона о гражданстве (2002 г.) о возможности отмены решения о предоставлении гражданства были неоднократно истолкованы Конституционным Судом Российской Федерации, который подтверждал, что в силу статьи 6 Конституции

⁵ Худолей К. М. Конституционное право зарубежных стран СНГ и Балтии: учеб. М.: КноРус, 2022. С. 55.

⁶ О гражданстве Российской Федерации: Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 18 апр. 2023 г.: одобрен Советом Федерации 26 апр. 2023 г. (ред. от 24.07.2023).

⁷ О гражданстве Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ: принят Гос. Думой 19 апр. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 15 мая 2002 г. (ред. от 28.12.2022).

РФ⁸ отмена решения о приеме лица в гражданство рассматривается как конституционно-восстановительная мера, а не как мера ответственности. Данная мера принимается не произвольно, если установлен исчерпывающий перечень преступлений против конституционного строя, подтверждаемый осознанным и устойчивым отказом виновного от обязательства быть верным России, соблюдать ее конституцию и законодательство, что является одним из условий предоставления гражданства (определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2021 г. № 183-О⁹).

Однако новым законом о гражданстве в качестве основания для прекращения гражданства предусматривается факт совершения преступлений, предусмотренных более чем семьюдесятью разными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁰ (вместо семнадцати в предыдущем законе). Причем лишь некоторые из них можно отнести к числу террористических или экстремистских. Зато среди этих составов преступления можно найти огромное число общеуголовных: изнасилование, развратные действия, фальшивомонетничество, незаконный оборот оружия или наркотических средств и т.д. Все эти составы преступления, вопреки вышеуказанной правовой позиции Конституционного суда РФ, не нацелены на подрыв основ конституционного строя и не подтверждают заранее возникший у лица умысел на совершение преступлений террористической направленности до получения им гражданства. Данные деяния сложно отнести к подрывающим основы конституционного строя еще и потому, что среди этих составов отсутствует такой, как совершение насильственных действий сексуального характера (в том числе мужеложество и лесбиянство), хотя вслед за изменением Конституции РФ в части сохранения традиционных семейных ценностей в законодательстве начался новый этап борьбы с проявлениями ЛГБТ, следствием чего стало решение Верховного Суда РФ о признании международного движения ЛГБТ экстремистским. Но даже если рассматривать насильственные действия сексуального характера, не сопряженные с мужеложеством и лесбиянством, то чем эти деяния в корне отличаются от того же изнасилования, совершение

⁸ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 11 февр. 2021 г. № 183-О.

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 23.03.2024).

которого влечет, по замыслу законодателя, прекращение гражданства? Ведь нередко виновные в сексуальном насилии в отношении потерпевших совершают как изнасилование, так и насильственные действия сексуального характера. Создается впечатление, что законодатель взял и механически перечислил некоторые часто совершаемые бывшими мигрантами преступления, независимо от того, каков в них объект преступного посягательства. При этом законодателем не предусмотрена возможность прекращения гражданства за совершение тяжких преступлений против личности (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью), хотя случаи их совершения бывшими мигрантами имеют не меньший общественный резонанс, чем изнасилование. Не предусмотрена также возможность прекращения гражданства за совершение преступлений против интересов государственной службы (взяточничество, халатность, злоупотребление должностными полномочиями, превышение полномочий, нецелевое расходование бюджетных средств), хотя ни у кого не возникает сомнений, что эти деяния, в отличие от того же изнасилования, причиняют вред именно государственной власти.

В нарушение ранее сформулированной правовой позиции Конституционного Суда РФ гражданство Российской Федерации прекращается по данному основанию независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации. Хотя для случаев получения гражданства на основании заведомо ложных сведений установлен общий десятилетний срок, по истечении которого, кроме исключительных обстоятельств, гражданство не может быть прекращено, а также прямо предусмотрена категория ложной информации, влекущей прекращение гражданства. Эти основания появились в российском законодательстве благодаря делу Усманова Б. К. В определении от 15 января 2019 г. № 2-О Конституционный Суд РФ повторил свои ранее вынесенные правовые позиции в связи с отменой решения о приеме в гражданство Усманова Б. К., но отказал в принятии к рассмотрению обращения гражданина. Напомним, в отношении Усманова Б. К. было принято решение об отмене решения о приеме в гражданство спустя десять лет после его натурализации, в связи с тем что он не представил сведения о всех близких родственниках (причем это было сделано по инициативе самих миграционных органов). Усманов Б. К. и члены его семьи были выдворены из страны с запретом на въезд

в течение тридцати пяти лет¹¹. Усманов Б. К. обратился в Европейский суд по правам человека, который констатировал нарушение Россией принятых на себя международных обязательств, вытекающих из статьи 8 Европейской конвенции по правам человека: так как отмена решения о приеме в гражданство состоялась спустя десять лет после натурализации, изъятие паспорта повлекло негативные изменения в правовом статусе (невозможность трудоустройства, получения медицинской помощи) и послужило основанием для выдворения из страны, а в законодательстве России не были установлены критерии определения информации, существенной в вопросе отмены решения о принятии в гражданство¹².

Как отмечается в научной литературе, отсутствие пресекательного срока приводит к разрыву причинно-следственной связи между получением российского гражданства и совершением преступления¹³. Длительный промежуток времени после приобретения гражданства и до совершения преступления вряд ли может свидетельствовать о том, что лицо сознательно приобретало гражданство РФ исключительно с целью совершения преступления террористической или экстремистской направленности, подрывающего основы конституционного строя страны. Напротив, столь длительный срок свидетельствует о формировании устойчивой правовой связи между человеком и государством гражданской принадлежности.

Кроме того, возможность прекращения гражданства в связи с совершением преступления независимо от даты его совершения и даты приобретения гражданства фактически сводит на нет закрепленный в законодательстве РФ принцип борьбы с безгражданством. Хотя Конвенция о сокращении безгражданства¹⁴ Россией так и не была ратифицирована, ее нормы во многом имплементированы в национальное законодательство. Российское законодательство требует, чтобы лица, которых принимают в российское гражданство, отказались от иного гражданства. Следовательно, прекращение гражданства в отношении указанных лиц влечет появление в массовом порядке

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Усманова Бахтиера Касымжановича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 15 янв. 2019 г. № 2-О.

¹² Дело «Усманов (Usmanov) против Российской Федерации» (Жалоба № 43936/18): постановление Европейского суда по правам человека от 22 дек. 2020 г.

¹³ Пирязева Н. Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 146.

¹⁴ Конвенция о сокращении безгражданства (Нью-Йорк, 30 авг. 1961 г.).

лиц без гражданства, которых невозможно депортировать в страну их гражданской принадлежности. То есть мы наблюдаем некий аналог категории «лишенцев», предусмотренной конституционным законодательством советского периода. Лица без гражданства, находящиеся в стране без законных оснований, могут быть помещены в специальные учреждения временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства на фактически неопределенный срок на основании положений действующего административного законодательства (выдворение их в страну прежней гражданской принадлежности может стать невыполнимым как в силу прекращения у них гражданства другого государства при приеме в гражданство России, так и в связи с ведением активных боевых действий в зоне СВО применительно к гражданам «новых» регионов России), что влечет нарушение права на свободу и личную неприкосновенность лиц без гражданства (постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 г. № 14-П¹⁵).

Соответственно, возможно и обратное действие закона. Оно было легализовано Конституционным Судом РФ в вышеуказанном определении от 11 февраля 2021 г. № 183-О: с точки зрения органа конституционного контроля, запрет обратного действия закона не распространяется на меры ответственности, а прекращение гражданства из-за совершения преступлений террористической направленности является конституционно-восстановительной мерой, а не мерой ответственности. Однако, как мы видим, прекращение гражданства за совершение многих новых составов преступлений вряд ли выступает как мера конституционно-восстановительная. Перед нами фактически еще одна мера уголовного наказания, то есть именно то самое лишение российского гражданства, которое Конституция РФ в статье 6 и запрещает (причем буквально конституционные положения не устанавливают, что принцип неотъемлемости гражданства не распространяется на натурализованных граждан). Кроме того, буквальное толкование норм закона о гражданстве допускает ситуацию обратного действия закона, когда гражданство будет прекращаться у лиц, которые совершили преступление до вступления в силу нового закона о гражданстве, и даже успели отбыть наказание, а их судимость была снята или погашена!

¹⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе: постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 г. № 14-П.

Далее, новый закон о гражданстве предполагает, что прекращение гражданства возможно в отношении не только лиц, которых принимают в гражданство РФ, но также и лиц, которые получили гражданство в результате признания гражданином РФ на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации. К их числу можно отнести граждан РФ, получивших гражданство в связи с присоединением к России Крыма, Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. А в ФКЗ о присоединении Крыма к России¹⁶ для лиц, которых признают гражданами РФ, не предусмотрена процедура принесения присяги (в отличие от лиц, чье гражданство признали в результате присоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей). Соответственно, нельзя считать, что прекращение гражданства данных лиц за совершение ими преступлений является конституционно-восстановительной мерой согласно правовой позиции Конституции Суда РФ, так как данные лица никакой присяги по соблюдению Конституции России, ее законодательства и конституционного строя не приносили. Да и сам законодатель предусматривает весьма обширный перечень лиц, которые не приносят присягу, даже если ее принесение обязательно для приобретения гражданства. К тому же в настоящий момент большинство жителей страны получили гражданство России в порядке именно признания, а не натурализации, и у них отличаются только правовые основания для такого признания (законы о гражданстве либо международные договоры и федеральные конституционные законы о принятии в состав России новых субъектов РФ).

Новый закон о гражданстве предусматривает и такое основание для прекращения гражданства, как акт совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, который устанавливается органами ФСБ, о чем выносится заключение. Данное основание нарушает вышеуказанные правовые позиции Конституционного Суда РФ, так как предполагает возможность прекращения гражданства во внесудебном порядке. При этом оговорку законодателя о том, что данное заключение может быть обжаловано в суде, вряд ли следует считать равнозначной заменой самого факта установления обстоятельств, влекущих прекращение гражданства, как не отвечающую принципам справедливости и правовой безопасности, а так-

¹⁶ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федер. конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ: одобрен Гос. Думой 20 марта 2014 г.: одобрен Советом Федерации 21 марта 2014 г. (ред. от 10.07.2023).

же пропорциональности ограничений прав и свобод, на что не раз обращал внимание Конституционный Суд РФ (постановления от 14 февраля 2013 г. № 4-П¹⁷, от 8 апреля 2014 г. № 10-П¹⁸, от 8 июня 2015 г. № 14-П¹⁹ и др.). Да и сама формулировка «действия, создающие угрозу национальной безопасности» выглядит странной, если она, как следует из буквального ее смысла, вовсе не охватывает факт совершения уголовных преступлений или других правонарушений, подрывающих национальную безопасность. Если это так, то можно говорить о чрезмерности прав органов ФСБ по толкованию данного понятия в процессе правоприменительной деятельности, что вряд ли обоснованно. В настоящий момент разработан проект приказа ФСБ о выдаче таких заключений. В нем установлено, что подобные справки оформляются при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органами ФСБ, а угрозы безопасности определяются согласно законодательству России о безопасности, причем факт достоверности этих фактов документируется самими органами безопасности²⁰.

Формулировка нового закона о том, что в случае подачи соответствующей жалобы такое лицо может быть выслано за пределы Российской Федерации или выдано другому государству, только если вступившим в законную силу решением суда заключение признано законным и обоснованным и гражданство Российской Федерации такого лица прекращено вообще, имеет

¹⁷ По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 февр. 2013 г. № 4-П.

¹⁸ По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева: постановление Конституционного Суда РФ от 8 апр. 2014 г. № 10-П.

¹⁹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. И. Романовой: постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2015 г. № 14-П.

²⁰ Об утверждении Порядка вынесения заключения об установлении факта совершения гражданином Российской Федерации, приобретшим гражданство Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и формы такого заключения: приказ ФСБ России от 8 авг. 2023 г. № 399. Документ не вступ. в силу. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407645826/>.

прямое и непосредственное отношение к конституциальному запрету о недопустимости высылки граждан РФ за рубеж, которая в советское время часто применялась к различного рода диссидентам.

Как мы видим, федеральный законодатель, прикрываясь обстоятельствами времени, совершил полную ревизию конституционных положений, фактически восстановив запрещенные Конституцией РФ институты лишения гражданства и высылки лиц, лишенных гражданства, за рубеж, как это бывало в советское время. Многие из составов преступлений, за совершение которых гражданство будет прекращаться, предусматривают ответственность за деяния, совершенные в военное время (добровольная сдача в плен, неисполнение приказа, дезертирство и др.). Данные составы были включены в текст законопроекта перед его принятием во втором чтении по инициативе сенаторов А. Яцкина, А. Клишаса, В. Бондарева и Г. Карасина исключительно по причине продолжения специальной военной операции и носят сиюминутный характер. В случае же завершения СВО данные нормы свою актуальность утратят. Получается, что данный закон о гражданстве сознательно принимается законодателем на краткосрочную перспективу, а это вряд ли допустимо в отношении такого важного документа, как закон о гражданстве, что тоже было отмечено в науке²¹.

Предусмотренные новым законом основания для прекращения гражданства выступают не как конституционно-восстановительные меры, а фактически как дополнительные меры уголовного наказания, которые, однако, могут применяться не ко всем категориям граждан. В этой связи даже законодательная инициатива сенаторов от «новых» регионов России о том, чтобы распространить практику прекращения гражданства по указанным основаниям не только на тех, кто приобрел гражданство в результате приема или признания, но также и на граждан России по рождению, выглядит не такой уж и абсурдной в силу реализации принципов равенства гражданства независимо от оснований его приобретения. А исходя из принципов справедливости и равенства гражданства крайне сомнительным выглядит такой порядок, когда за изнасилование, развратные действия, фальшивомонетничество, незаконный оборот наркотических средств и другие общеуголовные преступления гражданство РФ будет прекращено исключительно у тех, кто стал гражданами страны в результате присоединения «новых» регионов, а не все граждане.

²¹ Марачева В. А. Проблемы реформирования института гражданства в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 10.

Фактически новым законом о гражданстве жители «новых» регионов России объявляются гражданами «второго сорта»: в отличие от получивших гражданство по иным основаниям, они обязаны пожизненно доказывать свою лояльность государству под угрозой прекращения гражданства за совершение преступлений, в том числе и общеуголовных.

С практической точки зрения институты лишения гражданства и отмены решения о приеме в гражданство одинаковы в плане последствий для человека²². Однако по основаниям своего применения они отличаются. Можно обосновать отмену решения о приеме в гражданство необходимостью устранения ошибок, которые были допущены компетентными органами по причине виновных действий заявителя, например подачи им заведомо ложных сведений. Но когда гражданство прекращается просто по факту совершения тяжкого преступления (изнасилование, фальшивомонетничество, незаконный оборот наркотических средств) лицом, которое даже не брало на себя обязательства соблюдать соответствующие законодательные установления, а также в силу преступления, совершенного лицом еще до приобретения им гражданства, мы видим ничем не обусловленное и не-пропорциональное ограничение прав человека. Массовое применение этих норм закона о гражданстве приведет к тому, что в местах временного содержания в течение неопределенного времени до депортации будет находиться огромное число людей, лишенных политических прав (наподобие «лишенцев» в советское время, или неграждан в странах Балтии, или трудовых мигрантов в странах Персидского залива), что может дестабилизировать российскую правовую систему и создать условия для социальных протестов и напряженности.

Российская Федерация является правовым государством, в котором действует правовой закон, а Конституция является актом высшей юридической силы, обладает верховенством и прямым действием. Данные положения требуют признания неконституционными норм нового закона о гражданстве в части возможности прекращения гражданства за совершение общеуголовных деяний при отсутствии законодательно установленных прекратительных сроков.

²² Кетова Л. П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7. С. 143.

Библиографический список

Кетова Л. П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7. С. 140–144.

Конституционное (государственное право) зарубежных стран: в 4 т. Т. 1–2: Часть общая: учеб. / отв. ред. Б. А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. М.: БЕК, 2000.

Марачева В. А. Проблемы реформирования института гражданства в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 7–11.

Пирязева Н. Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 140–147.

Худолей К. М. Конституционное право зарубежных стран СНГ и Балтии: учеб. М.: КноРус, 2022.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В *EX JURE*

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике научной специальности 12.00.00 – юридические науки.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Межстрочный интервал – полуторный. Размер шрифта (кегль) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единственным файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствуется следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензий или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN *EX JURE*

The presented article should be original, not previously published, corresponding to the subject of scientific specialty 12.00.00 – Legal Sciences.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization—the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal “Perm University Herald. Juridical Sciences” (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure
2024. № 2

Редактор
Т. И. Ускова
Корректор М. И. Иванова

Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка Т. А. Басовой

Подписано в печать 25.04.2024
Дата выхода в свет 30.04.2024. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 10,4. Тираж 150 экз. Первый завод 25 экз. Заказ 64

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
+7 (342) 239 66 36
Отпечатано в типографии ПГНИУ
+7 (342) 239 65 47

Распространяется по подписке и бесплатно

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8671870/?sphrase_id=396144
Подписной индекс 83987

